

Любовь дарящие

Лаврова Людмила

Людмила Лаврова
Любовь дарящие

«Автор»

2023

Лаврова Л.

Любовь дарящие / Л. Лаврова — «Автор», 2023

Эта книга о тех, кто знает - есть в этом мире единственная сила, способная изменить его. Та, которой все движется и существует. Без которой нет жизни и нет будущего. И имя этой силе – любовь.

© Лаврова Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Апельсинки	5
Баба Зина	12
Бублик	18
Вишнёвое варенье	25
Девятый вал	33
Дуся	38
Единственная моя	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Людмила Лаврова

Любовь дарящие

Апельсинки

– Мария, я не знаю, что я с тобой сейчас сделаю! Что это такое?!

Крик матери застал Машу врасплох. Почему она так рано? На работе же еще должна быть!

Кисточка дрогнула в руке и Маша тихо чертыхнулась. Громко – нельзя! Мама и так ругается.

Из коридора неслись уже недвусмысленные угрозы.

– Будешь у меня посуду мыть год без перерыва! Нет – два! И полы! И окна! И вообще будешь вести все домашнее хозяйство! Да что же это такое-то?! Где ты лазила?

Где-где... В парке. Там, конечно, после недели дождей все развезло, но не могла же она Лешку отпустить одного с этой выдрой Светкой! Еще чего! Потом парня не досчитаешься! А ведь только-только все наладилось. Сколько времени она, Мария Владимировна Миронова, страдала? Почти месяц! Он вообще на нее внимания не обращал! Смотрел как на пустое место. Обидно! Разве она хуже Светки? Да, у той шмотки получше и телефон новый, но и ей мама совсем недавно заветную коробочку подарила. Не айфон, конечно, но тоже хороший аппарат. Камера – вообще огонь! Именно после фотографий, которые ей Алиса сделать помогла, Лешка ее и заметил. Фотки она показала Светке, а та уже продемонстрировала их Алексею. Да не просто так, а при Маше. Может, не такая уж она и выдра...

– А ты красивая!

Лешка разглядывал ее так, словно видел в первый раз.

И никакого тебе обычного: «Рыжая-бесстыжая!». Красивая она! Вот!

Просто музыка, да и только. Такой роскошный органнй аккорд, который звучит долго и мощно, а потом затихает, дергая каждую ниточку души. О! Ничего себе загнула! Надо записать, пока не забыла. Может, пригодится для какого-нибудь сочинения. Елена Петровна говорит, что у нее неплохо получается. Ошибок много, но стиль уже есть, несмотря на возраст. Талант!

Эх, мама бы еще все это разглядела! А то примчится с работы, как ведьма на помеле, а давай ценные указания раздавать. Никогда не выслушает сначала.

Ну да, не успела Мария кроссовки помыть и в коридоре сейчас картошку сажать можно, но это же не повод для бури в стакане воды. Тоже хорошее выражение, жаль, что у кого-то уже было. Не, нам плагиат не нужен. Лучше свое.

Маша отодвинула от себя испорченный рисунок и вздохнула.

Лучше сдать. Покаяние всегда облегчает понимание. Как там бабушка учила?

– В угол, на нос, на предмет! А с мамой еще и глаза долу. Вот тебе и весь секрет. Помнишь, как там? Подчиненный...

– Да помню. Ба, так лихой или придурковатый вид иметь лучше?

– Оба хороши в меру и в нужное время.

– Петр Первый умный был.

– И ты туда же! А еще внучка историка! Не было такого указа. Это, как там у вас сейчас говорится... Фейк? Вот, он самый! Еще раз эту глупость повторишь и будешь архивы разбирать за меня отсюда и до обеда! Поняла?

– Бабуля! Дед тебе на пользу не пошел! Ладно, он генерал, но ты-то куда? А, главное, зачем? У меня мама командует так, что ей уже давно пора дивизию доверить. Поэтому, хоть ты не начинай, а?

– Ладно, ладно. Не пыхти! Я тебя люблю! И мама любит! А командует... По статусу ей положено. Я тоже командовала, когда она в твоём возрасте была. А дед её учил картошку чистить. Так и говорил, что стыдно ему, что дочь неумехой растёт.

– Так вот почему она меня все время это делать заставляет?!

– А что? Полезный навык! Свекровь твоя будущая потом спасибо скажет. Решит, что ты экономная и умелая хозяйка. Плохо что ли?

– Ага! Что-то я от бабушки Иры такого в мамин адрес не слышала. Наоборот, все время ворчит, что мама ничего не умеет.

– Пусть ворчит. И вообще, у себя дома пусть делает, что захочет. Главное, чтобы на мамин территории она себе такого не позволяла.

– Нет, это она мне говорит, когда я в гости забегаю. Зачем только – не знаю. Алиса говорит, что её бабушка с папиной стороны тоже так делала. Это что, такое небольшое помешательство? Внукам втолковывать, что мать не такая?

– Снова глупости говоришь! Я когда-нибудь такое себе позволяла? Невестку ругать?

– Нашу Алиску? А её-то за что ругать?

– Вот тебе ещё один урок на будущее. Повод иметь не обязательно. При желании его всегда найти можно. Другое дело, нужно ли его вообще искать. Машка, чем меньше ты ругаешься с близкими, тем лучше тебе самой. Выплеснуть своё раздражение – дело не хитрое. Только слова, девочка моя, такая зараза липучая... Ты себе даже не представляешь пока, насколько! Ляпнула что-то в обиде или гневе и пошла по своим делам. А слово осталось. Потому, что ты его забудешь скорее, чем тот, кому оно было сказано. Ведь обидно-то не тебе, а ему будет. И вот посидит этот человек, подумает и словечко-то расти начнет. И будет это делать до тех пор, пока всю душу шипами не разбередит. Хорошо это?

– Плохо! Бабуля, тебе книжки писать надо! Воспитательные!

– Вот ещё! Мне тебя хватит!

Вспомнив бабушкины наставления, Маша мельком глянула на себя в зеркало, пригладила вихры и выглянула в коридор.

– Мам?

– О, явление! Здравствуй, дочь дорогая моя! Пришла, чтобы рассказать мне, в каких полях тебя носило?

Вид мамы не сулил Маше ничего хорошего. Она стояла посреди коридора, держа в одной руке Машины кроссовки, а в другой тряпку. Жирный кусок чернозема отклеился от подошвы и, влажно причмокнув, шлепнулся на пол.

Маша меланхолично проследила траекторию полета и решила, что сейчас самым лучшим выходом будет тактическое отступление.

– Давай, я! И пол помою! Тут и на кухне!

– Ты и на кухню успела в такой обуви прогуляться? Мария! – голос мамы зазвенел так, что Маша заткнула уши.

– Не ори!

– Что?! Что ты сказала?

Нина Михайловна Миронова смотрела на дочь так удивленно, что та даже растерялась.

– Прости, мам! Я не хотела!

Что надломилось в ней в тот момент, Нина не поняла сначала. Она молча сунула кроссовки в руки Маше и как была, в туфлях, прошла к себе в комнату, очень осторожно закрыв за собой дверь.

«Не ори!»

Сколько раз слышала она эту фразу от Машиного отца? Сейчас и не вспомнить. Нина зажимала угол подушки зубами, чтобы не разбудить маленькую Машку и терпела. А потом замазывала синяки перед тем, как идти на работу. Они появлялись нечасто, ведь бывший муж

Нины точно знал, как сделать так, чтобы следов не оставалось. Нет доказательств – нет проблемы.

Огромной проблемы, страшной. Нина тогда только-только похоронила отца и тот, кого она когда-то называла любимым, знал, что жаловаться она никуда не пойдет. Потому, что некому больше. Мать – одуванчик полевой, а больше родственников, кроме брата-подростка, у Нины не было.

Нина усмехнулась. Недооценил он тогда ее маму. Любовь Николаевна Миронова была не только женой генерала, но еще и дочерью полковника, который дошел до самого Берлина. Спокойная и мягкая внешне, внутри она была из такой закаленной стали, что горе было тому, кто попытался бы обидеть ее саму или ее детей. И если себя Люба еще могла бы простить, то детей – никогда.

Она всегда была очень хлебосольной и с радостью принимала тех, кого приводил в дом муж. Знала, что супруг в выборе друзей никогда не ошибается. А потому, когда его не стало, ей стоило только открыть старенькую записную книжку и уже через неделю после того, как она увидела первый синяк у дочери, а та отвела глаза, не ответив на заданный вопрос, зять Любы стал бывшим и был выдворен из столицы с четким запретом. Не приближаться к бывшей уже жене и маленькой дочери.

Нину она ни словом не упрекнула после. Знала за собой один грех. Всегда любила дочь так, что дышать на нее боялась. А нужно было чуть иначе. Дать силу, научить крепко стоять на своих ногах. Чтобы никто... Никогда...

Да только знать бы хоть что-то заранее... Ведь думала, что отдали девочку в хорошие руки. Это был единственный раз, когда отец Нины ошибся. Не разглядел того, кому доверил самое дорогое. И Люба знала – это потому, что и он свою девочку любил так, что готов был сделать что угодно, лишь бы она была счастлива. И ее глаза, синеющие от радости как море в полдень, стали для него главным признаком того, что выбор Нины верен. А оказалось...

Нина приходила в себя медленно. словно выныривала из болота, то и дело пытаясь снова спрятаться там, залечь на дно, чтобы никого не видеть. И Люба тянула дочь, заставляя дышать, смотреть по сторонам, видеть снова себя и своего ребенка. Слишком дорого обошелся ей опыт недолгой семейной жизни. Маше было всего три, когда она оформила развод и стала свободной женщиной. Муж ее ни на что претендовать не стал. Маша осталась с матерью. Угрозы, которыми он сыпал до развода, не имели последствий.

Люба знала, что это заслуга лучшего друга отца Нины. Маститый, известный в столичных кругах юрист, просто не мог позволить себе потерять репутацию на таком пустячном, в свете его практики, деле.

Они справились. Очень медленно, осторожно, но Нина оставила за спиной все, что было и начала строить свою жизнь заново.

И вот! На тебе! Любимая дочь выдает такое, что сердце на мгновение остановилось, дало сбой, а потом застучало чаще, барабана прямо по нервам. Что это было? Случайная оговорка или отголосок... Как там? От осинки не родятся апельсинки? Да нет! Не может быть!

Нина, стиснув виски пальцами, стояла у окна и пыталась успокоиться.

А Маша в это время мыла пол в коридоре. Ей было стыдно, конечно, но не слишком. В конце концов, она тоже человек и сколько можно уже на нее кричать?! Хотя... Мама-то была, конечно, права, да и голос повышала редко. Но лучше же вообще так не делать? Что она как маленькая? Ее ругает, когда Маша выходит из себя и повышает голос, а сама?

Закончив с полами и вымыв кроссовки, Маша заглянула к матери.

– Мам? Ты голодная?

– Нет.

– А я голодная.

– Суп в холодильнике. И котлеты тоже. Вперед. Не маленькая уже.

Маша нахмурилась. Приплыли! Мама обиделась. И похоже всерьез. Тут без тяжелой артиллерии не обойтись. Придется звонить бабушке. Та, конечно, устроит Маше выволочку, но хотя бы подскажет, что делать.

Но бабушка оказалась занята.

– Быстро дуй ко мне! Помощь нужна!

– Ба, я не могу! Мама сердится.

– Поругались?

– Ага.

– Тогда еще быстрее дуй! Будет вам повод для примирения.

Что имела в виду бабушка Маша поняла, когда, тихо спросив у матери разрешения и не получив в ответ ничего, кроме холодного кивка, промчалась два квартала и, перепрыгивая через ступеньку, поднялась на третий этаж. Дверь оказалась не заперта и Маша подумала, что маме хватило бы этого повода, чтобы еще и бабушке устроить «головомойку». Мыть там, правда, было уже почти нечего. Бабушкина голова была украшена ультрамодной стрижкой почти под ноль, но Маша приходила от этого в полный восторг. Она подарила бабуле на день рождения крупные броские серьги и хохотала, глядя, как та вертится перед зеркалом, напевая: «Цыганка с картами, дорога дальняя...».

– Ба, я пришла!

– Очень хорошо! Иди сюда!

Котенок лежал на стареньком байковом одеяле, под которым когда-то спала Машина мама.

– Что скажешь? – бабушкин вопрос не предвещал ничего хорошего.

– Где ты его взяла?

– Купила!

– Как это? – Маша растерялась.

Котенок вовсе не выглядел предметом для товарно-денежных отношений. Тщедушное, заморенное существо, грязно-рыжего, кажется, цвета. Окрас котенка разглядеть было сложно, настолько он был грязным. Глаза его, опухшие, покрытые какими-то струпьями, были плотно закрыты. Да и дышал он с трудом.

– Пошла сегодня в магазин за хлебом... – зловеще начала бабушка и Маша охнула.

Ну, конечно! Бабушка же просила ее забежать после школы за свежим хлебом в соседнюю пекарню, а Маша совершенно забыла об этом. Еще бы! У нее ж были дела поважнее...

– Бабуля...

– Молчи, грусть! Об этом позже. Так вот. В нашем магазине свежего хлеба не было, и я решила прогуляться до пекарни. И что я вижу? Стоит какой-то прохиндей, лет этак семи от роду и слезно умоляет купить котика! Я его спрашиваю, а почему, собственно, покупать надо? А он мне отвечает, что без денежки отдавать нельзя. Вдруг я его потом выкину. А денег мне жалко будет. Каково, а? Целых сто рублей за него отвалила! Было бы за что... Маша, нам нужен ветеринар! И какая-нибудь еда для таких тщедушных созданий. Я совершенно не уверена, что он выживет. Но попробовать-то стоит?

Маша легонько тронула котенка, но тот никак не отреагировал на прикосновение.

– Ба, а он живой вообще?

– Пока, да. Но времени, думаю, у него немного. Машка! Прекращай уже ахать и думай, куда податься! А еще лучше – забирай его и чеши домой! Покажи матери. Она хоть и человечий, но все ж таки – медик. Глядишь, что и придумает. Заодно и помирись. Господи, когда ж вы уже поймете, что у вас никого, кроме друг друга?

– Есть еще вы с бабушкой Ирой.

– Мы – есть. Это да. Никуда не делись пока. Но мы же не вечные, Маша. А ближе мамы человека на свете просто не бывает. Не рвите эту связь! У тебя возраст сейчас такой, вздорный

и неразумный. Мозги если и появятся, то позже. Шучу! Я в тебе нисколько не сомневаюсь. Ты девочка у нас умненькая. Подростки все такие – чуток не в себе.

– И мама такой была?

– А как же! Это сейчас она знает, как надо, а тогда... Ох, и досталось нам с дедом! Ему-то хорошо было. Умотает на свои учения и трава не расти. А я тут с ума сходила. Всякое бывало. Не мне тебе об этом рассказывать, конечно, но ты должна понимать, что мама ведь тоже не с Луны свалилась и не с бородой родилась. Все проходила то же, что и ты. А потому понимает тебя, пусть и отчасти в силу возраста. А ты помоги ей немножко. Колючки спрячь. Пусть не все и не всегда, но все-таки. Умение себя контролировать, Машка, великая вещь! Очень потом в жизни тебе пригодится. Как и понимание того, что родным больно сделать куда как проще, чем чужим. Уж поверь мне.

– А как мама чудила, когда такая как я была?

– У нее спроси!

– Ну, ба!

– Ладно. Все не буду рассказывать, а один эпизод поведаю. Мало ли, вдруг ты тоже придумаешь покурить попробовать.

– Не придумаю! Мне не нравится запах! И целоваться потом неприятно! Как с пепельницей!

– Мария! Что я слышу?!

– А что такого я сказала? Разве это неправда?

– Ты сама пробовала?

– Бабуля, не начинай! Не нужно понимать мои слова так буквально! Так что там с мамой?

– А ничего. Дед твой как-то ее поймал у подъезда с сигаретой. Представляешь, какая дурочка? Нет бы за углом где-нибудь втихаря с подружками, а она пристроилась на лавочке вечером, думая, что отца дома нет, а я не увижу, чем они там занимаются. Темно же уже было. Она тогда во вторую смену училась и приходила зимой, когда на улице уже совсем темно было. Я не встречала, как она тебя. Школа во дворе, считай, да и не ходили они с подружками поодиночке. Всегда толпой. Вот и на лавочке тогда сидели всей своей веселой компанией. Как же! Попробуй выделиться из стада!

– И что дед?

– Промаршировал мимо, сделав вид, что не заметил. А потом открыл дверь подъезда и гаркнул так, что с козырька снег посыпался. Даром что ли командный голос вырабатывал? Вот и пригодилось. Девочек с лавки сдуло, а мать твоя поплелась домой, понимая, что будет буря.

– Была?

– Нет. Отец ее к себе в кабинет отвел, усадил в кресло и достал коробку настоящих кубинских сигар, которые ему кто-то подарил. Не знали, что он не курит.

– Зачем?

– Что, зачем?

– Сигары достал?

– Чтобы дать прикурить маме твоей. Выкурить она даже одну не смогла бы, конечно. А вот прикурить для деда – запросто. Грамотная же, чего уж... Дед делал вид, что курит, а мама твоя становилась похожей на елочку. Зелененькая такая стала – хоть сейчас гирлянды на нее вешай! После третьей взвыла, а после пятой решила, что курение – это не ее тема. Как же ей было тогда плохо... Два дня я ее откачивала. Но после этого ни разу не видела, чтобы она курила.

– Бывает иногда. Когда нервничает сильно.

– Да ты что... Хорошо, что дед не знает, о том, что его метод не сработал на долгосрочную перспективу. – Любовь Николаевна рассмеялась. – Бедовые вы у нас девицы получились! Ох, Машка, что с вами делать?

– Жалеть, любить, простить! Ба, спасибо!

– За что?

– За маму, за кота... За все! Я побегу, ладно? – Маша сгребла котенка вместе с одеялом со стола. – Только бы выжил!

Кот не просто выжил.

Маша с матерью помирились в тот же день и выходили-таки странный «подарочек», который превратился со временем в огромного, наглого, рыжего красавца, который, чувствуя себя единственным мужчиной в доме, бдительно следил, чтобы его покровительницы вели себя как положено.

Маша быстро отучилась грубить матери, ведь стоило ей ляпнуть что-то не то, как тут же появлялся Сенек, как нарекли кота, и принимался ее «воспитывать». Голосил Сенек, а в простонародье, Сенька, громко и очень убедительно. А если Маша продолжала упорствовать, мог наподдать еще и лапой. Он не забыл, кто выхаживал его, таская в кармане халата и выпавшая молоком по часам. Нина ворчала, конечно, что завела себе еще одного младенца, но кота «вынянчила» и полюбила настолько нежно, что даже Маша иногда не выдерживала:

– Мама! Ты кота любишь больше, чем меня!

– Иногда, да! – Нина показывала язык дочери и продолжала чесать пушистый рыжий бок.

Впрочем, Нине кот тоже не давал особо ругаться. Он начинал виться у ее ног, ласково трогая лапой и пытаясь успокоить.

– Транквилизатор ходячий! – Нина осторожно отодвигала кота с дороги и уходила на кухню пить чай, чтобы успокоиться. – Иди уже, заступник! Скоро бока в дверь не пройдут и у меня, и у тебя. У меня-то ладно, от сладкого, которым я нервы успокаиваю, а у тебя? Тебе что успокаивать надо, что ты у меня еду выпрашиваешь каждый раз за свои заслуги?

Кот не отвечал. Он садился у своей миски и укоризненно смотрел на хозяйку до тех пор, пока там не появлялось ожидаемое.

Кроме того, у Сеньки оказался великий талант. Он хорошо чувствовал людей и каждый Машин ухажер, который появлялся в доме, подвергался пристальному кошачьему анализу. И можно было не сомневаться – проведенная экспертиза была точна и безупречна.

Алексея кот забраковал почти сразу, как только Маша привела его познакомиться с Ниной. Испортив парню новые кроссовки, шестимесячный на тот момент нахал Сенька спрятавшись так хорошо, что Маша в слезах искала его не только по дому, но и в подъезде, и во дворе, думая, что котенок испугался и удрал, когда Лешка начал ругаться на чем свет стоит, не стесняясь даже Нины. Вылез Сенька из своего укрытия сразу, как только Маша вернулась домой, выслушав в свой адрес во дворе от Алексея много нового и интересного. Забравшись к ней на руки, кот свернулся калачиком и заурчал, не обращая внимания на то, что Маша возмущенно рассказывает матери.

– А ведь Сеня – умник, Маша! Сама подумай, как скоро Алексей твой показал бы тебе свое настоящее лицо? А тут нате – полюбуйтесь! Кроссовки жаль, конечно, но ничего, новые купит. Я ему деньги отдала.

– Он – не мой... – Маша прижала к себе кота и всхлипнула. – Мам, а он мне нравился...

И они долго еще сидели потом втроем, обнявшись. И Маша чуть ли не впервые за последние пару лет, говорила с Ниной так, как делала это когда-то в детстве. Не скрывая ничего и не боясь ляпнуть что-то лишнее.

А еще через пару дней она узнала, что Алексей вовсе не был идеалом, потому что все время, пока Маша думала, что она в его жизни что-то да значит, он гулял со Светкой. Поблагодарив Сеньку за вмешательство, Маша вычеркнула Светку из списка своих подруг, и попросила Алису, которая наконец-то открыла свою первую фотостудию, сделать новые фотографии. А потом, вешая на стену свой портрет, поинтересовалась:

– Что скажешь, Сень? Красота, а?

И кот всем своим видом дал понять, что совершенно согласен с этим утверждением.

А спустя несколько лет осторожно он запрыгнет на руки к Машиному однокурснику, потопчется немного и уляжется, по-свойски обняв широкую мужскую ладонь и подставив ей свое рыжее ухо.

– Какой кот, Машка! А почему ты мне про него не рассказывала?

– Потому, что это не просто кот.

– А кто?

– Член семьи, конечно. Считай, что сватать тебе придется меня не только у мамы и бабушки, но и Сени. А он у нас мужчина серьезный. Если добро не даст – замуж за тебя я не пойду.

– Неужели откажешь?

– Ага. Мне с родней ссориться нельзя. Они мой тыл. А дедушка учил, что тылы надо любить, беречь и всегда о них помнить. Только тогда можно выиграть любую битву. Понял?

– Понял! Машка...

– Что?

– А я тебя люблю!

– Я тоже. Ладно, вы тут помурлыкайте пока, а я чай сделаю.

И будет свадьба. И Сенька вальяжно развалится на длинной Машиной фате, чем приведет в совершенный восторг Алису, которая будет снимать торжество.

– Я на нем миллионы заработаю! Боже, какие кадры!

– Эй! Это мой кот! – Маша возьмет на руки Сеню и Алиса тихонько застонет от умиления. – Нечего запускать свои ручки в наш семейный бюджет, да, Сенечка? А впрочем, ладно! На всех хватит! Сделай нас красиво!

Фото, сделанное Алисой, получит первую премию на какой-то международной выставке. И вешая его над кроваткой своей новорожденной дочери, Маша улыбнется.

– Вот такие мы... Апельсинки! Хороши, правда, Сенечка? И новенькая наша апельсиночка тоже очень миленькая получилась, да?

Рыжий кот, примостившийся под боком у сладко спящей девочки, даже ухом не поведет. Нельзя! Пусть спит пока счастье! Набирается сил для радости. Ведь те, кто рядом очень постараются, чтобы этой самой радости было в ее жизни как можно больше.

Баба Зина

– Доброго дня, тетя Зина! – пискнула Настя, пытаясь проскочить в подъезд, пока ее не остановили. Но сегодня, видимо, был не ее день. Не успела Настя открыть дверь подъезда, как за спиной раздалось густое и мощное контральто:

– А ну-кося, иди сюда, Настасья! Разговор есть!

Настя втянула голову в плечи. Ничего хорошего ей этот разговор не сулил. Да и бабу Зину она хоть и уважала, но боялась еще с детства так, что коленки начинали дрожать, едва та появлялась на горизонте. Впрочем, бабу Зину боялись во дворе все. Взрослые и дети, коты и собаки. Даже голуби переставали суетиться, когда она выходила во двор и усаживалась на «свою» скамейку у подъезда. Появление бабы Зины означало всегда только одно. Пришел порядок! В том понимании, которое сама эта женщина вкладывала в это слово. Матери спокойно выпускали детей во двор, видя на скамейке монументальную фигуру бабы Зины. Очень высокая, дородная, она казалась памятником, который неизвестно кто и почему поставил во дворе. Только этот памятник был живым и очень внимательным. Малыши твердо знали, что с ней не забалуешь. Баба Зина никогда не ругала просто так, но стоило кому-то натворить что-то, как тут же настигало возмездие. И ни одна мать ни разу не вступила в спор с бабой Зиной по поводу красного, как маков цвет уха, которому пришлось отвечать за баловство своего хозяина. Все знали – если уж баба Зина взялась воспитывать, так точно по делу. Даже скандальная и крикливая Светка из сорок пятой квартиры, которая могла закрыть рот кому угодно, робела, когда тетя Зина брала за ухо ее сына – Мишку.

– Светлана! Сколько можно говорить? Забери гвоздь у своего обормота! И к Сергею поднимись, в тридцать шестую. Твой Михаил его машину поцарапал. Уже третья за неделю. Вот надоумлю их, чтобы заявление в полицию написали. Будешь выплачивать. Иди, договаривайся с Сергеем по-хорошему, пока он готов тебя слушать.

– Спасибо, тетя Зина! Простите, что снова беспокойство вам. Ах, ты ж, поросенок! – многострадальное ухо Мишки переходило в цепкие пальцы матери. – Гвоздь сюда давай! И пошли! Сейчас сам извиняться будешь! Нет на тебя управы! Был бы отец – не дал бы тебе так озоровать!

И Мишка все лето мыл перед грозными очами бабы Зины машины во дворе, пострадавшие от его гвоздя.

– Лучше три-то, вон грязь оставил! В следующий раз подумай, прежде чем портить. Люди ведь это зарабатывают. С неба не падает ничего.

Мишка хмурился и бурчал себе под нос, но подобным бабу Зину было не испугать.

– Что бурчишь? Не нравится тебе. Вот, глянь-кося. – Зина доставала из кармана пятьдесят рублей. – Что это такое, знаешь?

– Кто ж не знает! Деньги!

– Вот смотри. Ты кроме Сережиной машины еще Сашину, электрика нашего вымоешь. Ты ее не царапал, поэтому бесплатно мыть не должен. Саша ногу сломал, а у сестры его свадьба завтра. Машина нужна будет. Вот если ты ее вымоешь, я тебе заплачу. А ты уж сам решишь, куда эту денежку потратить.

– Да куда ее потратить, даже на кино не хватит.

– А, чтобы на кино хватило, можешь еще парочку машин помыть. Вот и наберешь.

– А кто захочет, чтобы я ему машину мыл? Я и соседей не всех знаю.

– А ты объявление напиши. А я подпишу. Вот тебе и будет, как ее... реклама!

На следующий день на всех подъездах красовались кривовато написанные от руки объявления: «Вымою Вашу машину. Цена – пятьдесят рублей. Обращаться к Зинаиде Семеновне. Миша». Внизу стояла подпись: «Ручаюсь. З.С.»

Баба Зина принимала заказы на Мишкину мойку. Через пару недель он сидел на лавочке рядом с ней и считал выручку.

– Триста пятьдесят рублей.

– Хватит на кино?

– Хватит. Только мне теперь жалко тратить. Я лучше собирать буду.

– На что? Купить что-то хочешь?

– Самокат хочу, как у Гришки из третьего подъезда. Спортивный такой. Только он дорого стоит. Мамка сказала, что мне его не видать, как своих ушей.

Зинаида покосилась на лопухие, обгоревшие на солнце, уши Михаила и фыркнула.

– Вот и докажи мамке, что ты сам можешь заработать. Пусть не все, но хоть что-то. А она добавит, если не хватит.

– Не добавит. – Мишка нахмурился. – Откуда у нее?

– Не твоего ума дело. Ты знай свое, собирай. Понял теперь, как денежка достается? То-то. А с мамкой твоей я поговорю.

Зинаида, конечно, не стала рассказывать Мишке, что точно знает, где Светка возьмет деньги, чтобы купить ему вожделенный самокат. Алименты, которые непутевый Мишкин отец платил пусть не часто и понемногу, все до копейки лежали у Светки нетронутыми. Бывшего своего мужа, гуляку и выпивоху, Светка все еще любила, но жить с ним отказалась наотрез.

– Вот что за человек, тетя Зин, вот ты скажи? Дом есть, жена есть, сына просил – родила. Что еще ему надо? Ведь сама знаешь, я и готовлю хорошо, и дома у меня всегда порядок, а вот поди ж ты, все чего-то ищет. Сам не знает – чего... – Светка вытирала злые слезы, сидя на лавочке рядом с Зинаидой. – Если бы он пришел, повiniлся, разве ж я стала бы его дома лишать? Жили бы! А так... И Мишка без отца растет, и я никого к себе подпустить не могу. Ни одному мужику больше не верю и не поверю уж никогда.

Зинаида похлопала Светку по коленке, утешая, а сама думала о том, какой красивой была молоденькая Светланка, когда выходила замуж за Сергея. Как прятала глаза от смущения, когда на свадьбе громко кричали: «Горько!». Как гордо носила она Мишку и как горько плакала, когда узнала, что Сергей собрал вещи и переехал в соседний район к новой «жёнке». Мишке не было тогда и двух лет. Как на глазах менялась Светка, превращаясь из скромной и улыбочивой девушки в молодую скандалистку. И ни разу Зинаида не позволила никому осудить Светлану. Тихонько разговаривала с ней, уговаривая быть помягче, поспокойнее. Но стоило кому-то заикнуться в сторону Светы, как тут же Зина закрывала рты безапелляционным:

– Свое бревно вытащи сначала, потом на других пеняй! Не тебе судить!

Светка об этом, конечно, не знала, но догадывалась. И поэтому никогда Зинаиде не перечила, зная, что та ее жалеет. Никому себя жалеть Света не позволяла, а здесь сама не понимала, почему не возражала. Если бы спросила, то услышала бы:

– Так жалеть по-русски значит – любить. Что ж тут удивительного, что я тебя жалею?

Жалела Зинаида всех, кроме себя. Эта удивительная смесь из любви и жалости была для Зины смыслом ее жизни.

Только к себе жалость у нее закончилась в тот самый день, как невестка Зинаиды стиснула ее руку в последний раз и прошептала:

– Мама, не бросай его! Слышишь? Не смей!

Катя болела долго. Боролась как могла, понимая, что единственный сын останется сиротой. На Зинаиду Катя особо не надеялась поначалу. После того как единственный сын Зины утонул, спасая друга, та совсем сдала. Днями напролет лежала, отвернувшись к стене и совершенно не обращала внимания на то, что происходит вокруг. Катя, которая боялась Зинаиду как огня и терялась каждый раз как та смотрела в ее сторону, собрала вещи и переехала к свекрови.

– Что ж вы, мама, совсем себя запустили? А внука кто нянчить будет? У меня, кроме вас, никого! Или мне у чужих людей помощи просить? Митя не простил бы мне такого.

И Зинаида встала. Внук занял все ее время и мысли. Катя не мешала, понимая, как необходимо сейчас держать Зинаиду хоть чем-то. А ручки у Андрея Дмитриевича оказались очень цепкими. Держал он бабушку крепко и отпускать не собирался.

– Баба! – первое слово внука стало для Зинаиды самым главным подарком в жизни.

Погрузившись в заботы о внуке, она напрочь упустила из виду невестку. И когда Катя первый раз потеряла сознание, вывернув на пол почти готовый борщ и чудом не обварившись, Зинаида вдруг осознала, как слепа она была все это время.

– Катюша, доченька, ты что?!

Следующие четыре года стали для Зинаиды настоящим испытанием. Она носилась по больницам, успевая и присматривать за Катей, и заниматься внуком. Ничего и никого не стесняясь, она шла на поклон к любому, кто мог хоть как-то помочь Кате. К сожалению, все усилия Зины оказались тщетными и Кати не стало.

– Не успел ты толком намамкаться... – заливалась слезами Зинаида, обнимая внука.

Попрощавшись с Катей, она проснулась на следующий день совершенно другим человеком. Не было больше той Зинаиды, которая могла позволить себе лежать, перемалывая свое горе по крупинкам. Глядя на спящего внука, она поняла, что с этого дня жалеть себя ей больше не придется. Времени не будет.

Андрюшка рос очень живым, шkodливым, но в то же время все понимающим. Зинаиду он жалел и старался, как мог, по-ребячьи радовать. То открытку в садике нарисует, то пол вымыть пытается. А уж когда Зинаида его к кухне допустила – счастьем предела не было. В шесть лет Андрей мог нажарить такие блинчики, что даже Зина ахала.

– У меня такие не получаются!

Бабушка нарадоваться не могла, глядя, как растет этот мальчишка, одновременно похожий и на мать мягкостью и добротой, и на отца – силой слова и твердостью там, где дело касалось справедливости. Окончив школу, Андрей отслужил, выучился и теперь работал шефом в одном из лучших ресторанов города. Он давно уже не жил с бабушкой, но неизменно дважды в неделю приезжал к ней, чтобы выслушать ворчание:

– Опять понавез деликатесов! Андрейка, ну не ем я твоих гадов! Вот если бы ты мне котлетку привез – тогда, да.

– И котлетку, и тефтельку, все привез, бабуль! Ты только ешь, пожалуйста.

– Куда ж я денусь? Если ты готовил, как же я откажусь? – Зинаида усмехалась и ставила на стол блюдо с маленькими румяными пирожками.

– Ба! Что ж ты со мной делаешь! – Андрей со стоном усаживался к столу. Такие пирожки ему не давались. Сколько раз он пробовал, стоя рядом с бабушкой готовить их, а все не то выходило. Главного секрета он так и не смог поймать.

– А нет его, Андрюшенька! Я для тебя готовлю, вот и вкусно получается.

Зинаида смотрела, как ест внук и мечтала о том, как будет кормить правнуков такими же пирожками. Половинку свою Андрей нашел, а вот с детьми не спешил.

– Бабуленька, все будет! Время нужно. Или тебе уже воспитывать некого? Во дворе детвора перевелась и молодежи не осталось?

И детворы, и молодежи во дворе хватало и зоркое око Зинаиды не дремало. Вот и сейчас Насте досталось по полной программе.

– Ты что это девочка моя себя так низко полоскаешь? – Зинаида, прищурившись, разглядывала худощавую Настену. Давно ли Лида ее в коляске по двору катала, слушая, как та голосит, а вон уже какая барышня вымахала. Девятнадцать скоро. Красивая, вся в мать. Вон в модели подалась и даже что-то получаться стало.

– Что делаю? Теть Зин, я вас не понимаю.

– А что тут понимать? Коль с женатым мужиком связалась, так не уважаешь себя нисколько, так?

– Ну, знаете! – Настя вскочила было, но тут же села обратно на лавочку, под насмешливым взглядом Зинаиды.

– Знаю. – Зина разгладила на коленях юбку. – Все знаю. И что не любит тебя, а пользуется. И что детишек у него двое, которых он не бросит никогда.

– Откуда вы знаете? Он меня любит...

– Любил бы, разве так с тобой поступал бы? Кто ты для него, Настена?

Настя задумалась. Любимая? Вроде как. Но формулировка какая-то размытая.

– Я тебе скажу, коль сама слово подобрать не можешь. Чемодан ты.

– Кто? – Настя изумленно вскинула брови.

– Чемодан. Без ручки. Тащить неудобно, а бросить – жалко. Сколько еще ваши отношения продлятся? Полгода, год? И бросит он тебя. Потому, что у тебя кроме длинных ног и красивой, но пустой пока головы – ничегошеньки.

– Вы думаете, что меня любить нельзя? – Настя сердито смотрела на Зинаиду, теребя в руках ремешок сумки.

– Как это нельзя? Можно! Даже не так. Нужно! Тебя любить должны за честь считать, а не валять в грязи то, что тебе природой дано. Я не про внешность сейчас говорю. Я ведь тебя с пеленок знаю. Помню, как ты матери всех увечных и калечных котов да собак тащила. Сердце у тебя такое, Настена, что впору мир обнять. А ты его на такого... тратишь. Перегоришь, девочка, потом уже ничего не захочешь.

Настя сидела, опустив голову. С тех пор как не стало мамы, с ней никто так не говорил. Никому не было дела до того, как она живет.

– Ты ведь с ним связалась, потому, что хотела, чтобы рядом был кто-то, на кого опереться можно, так? – Зинаида обняла Настю и прижала к себе.

– Как вы поняли? Ох, тетя Зин, без мамы так плохо! – Настя все-таки разревелась.

– Кто ж спорит. Была бы Лида рядом, разве ж она позволила бы такому к тебе подойти хотя бы. Поганой метлой гнала бы.

– Я знаю...

– А раз знаешь, так и не тревожь! Знаешь, Настена, когда Андрейка маленький был, я все думала, что вот посмотрит на меня Катя оттуда и покачает головой. Как это я ее сына воспитываю? Очень это на место ставит. Вот и ты подумай, что Лида увидит, глядя на тебя?

– Ничего хорошего...

– Врешь! Что в тебе плохого-то? Вон какая красавица выросла. Учишься. Тебе бы еще парня хорошего и все было бы замечательно. Но это дело наживное. Главное, себя не теряй. Что ж ты худая такая, Настасья? Полчаса тебя тискаю, а все никак мягкого места не найду. Одни кости торчат.

– Так положено. – Настя улыбнулась сквозь слезы. – Вот карьеру брошу, тогда и поесть можно будет по-человечески. Я к вам первым делом приду. Вы мне пирожков напечете? Я помню, какие они у вас вкусные.

– Да хоть завтра!

– Не. Пока рано. Мне еще за учебу платить и жить на что-то надо. – Настя встала со скамейки. – Спасибо! – она наклонилась и поцеловала Зинаиду в щеку. – Как с мамой посидела, поговорила. Спасибо...

– Иди с Богом! – Зинаида махнула рукой, пряча лицо. Увидят, что глаза на мокром месте, сразу можно попрощаться с авторитетом. – Санька! Ты куда полез? Грохнешься – матери тебя лечить!

Сашка, который преодолел уже половину тополя, росшего у соседнего подъезда, замер, прижавшись к стволу всем телом.

– Теть Зин, там котенок! Со вчерашнего дня кричит. Туда залез, а слезть не может. – Аринка, дочка соседки Зинаиды по лестничной клетке, показала на верхние ветки. – Вон он сидит, видите?

Зинаида тяжело поднялась и пошла к дереву.

– Вижу-то, я, вижу, не слепая. Да только ты, Санька, его не снимешь. Не достанешь. Там кто повыше нужен.

Через полчаса у тополя стояла лестница и дворник вручил Зинаиде сердито шипящего котенка.

– Получайте!

– Спасибо тебе! Ишь, какой сердитый!

Зинаида взяла в руки пушистый комок и прижала его к себе. Котенок тут же перестал брыкаться. За спиной в Зинаиды хлопнула дверь подъезда и во двор выскочила овчарка соседа.

– Лада, ко мне!

Команду собака предпочла пропустить мимо ушей. Увидев на руках у Зинаиды котенка, Лада кинулась к ней.

– А ну, сидеть! – Зинаида гаркнула так, что дети подпрыгнули на месте, а Лада, не добежав, плюхнулась на землю, удивленно разглядывая могучую женщину, которая нависла на ней. – Ты чего озоруюешь? Алексей! Что за дела? Почему собака без поводка и без намордника?

– Прости, тетя Зин, вырвалась. – Алексей пристегнул поводок и нацепил намордник на Ладу. – Все!

– До того цеплять надо было. А если бы дите кота держало? Соображай!

Детвора прыгала вокруг бабы Зины.

– Тетя Зина, вам надо укротителем в цирке работать. Вон как вас звери слушаются!

– Лучше уж я вас поукрощаю пока. А ну, кыш по домам!

– А котик?

– Разберемся.

Андрей, приехав проведать бабушку, удивленно разглядывал нового жильца.

– Пузо-то!

– Отъедается за все свое голодное детство. – Зинаида почесала за ухом найденыша, который тут же отозвался звонким мурлыканьем, наполнившим всю кухню.

– Ого, какой громкий!

– Это он еще сонный. А ты чего не вовремя? Вроде ж на завтра договаривались?

– А я тебе новость привез. Решил, что если промолчу до завтра, то ты меня потом заво-спитываешь.

– Это ж какую? – Зинаида затаила дыхание, уже понимая, что сейчас услышит.

– А вот ту самую! – рассмеялся Андрей. – Только не говори мне, что ты не догадалась!

– Андрюшенька...

– Да! Бабуль, у нас будет ребенок! А у тебя первый правнук!

Зинаида бестолково заметалась по кухне, а потом замерла вдруг:

– Это ж счастье какое, родной!

– Счастье, ба! Ты только мне обещай кое-что.

– Что же?

– Что здоровье свое побережешь. А то как мы без тебя справимся?

– Прекрасно справитесь. И прежде, чем помощи моей просить, ты у жены спросил? А если она против будет? Она – мать, ее слово первое.

– А это она меня к тебе прислала. И вот еще передала. – Андрей достал из сумки пакет. – Ба, это мистика, но они такие же, как твои!

Маленькие румяные пирожки занимали место на тарелке один за другим, а Зинаида улыбалась.

– В хорошие руки тебя отдала. Про секрет-то помнишь? Вот поэтому они такие же, как мои.

Зинаида успела и взять на руки правнука, и помянуть его. Ушла она, когда Мите исполнилось шесть. И Митя, которого не взяли с собой на прощание с бабушкой, сидел в спальне родителей, обняв огромного пушистого кота, и тихо плакал, глядя на фотографию, что стояла у отца на тумбочке. На ней большая, как дом, баба Зина держала совсем маленький сверток, перевязанный голубой лентой. Митя точно знал, кто был в этом свертке, который так нежно прижимала к себе бабушка.

– А еще она меня любила...

Кот толкнул лобастой головой щеку Мити, и чихнул. Щека была мокрая.

– И тебя она тоже любила. Она вообще всех любила. Как думаешь, а я так смогу?

Кот не ответил. Он улегся рядом с мальчиком, положив голову ему на колени, и замурлыкал.

Бублик

– Бублик! Подлая кошачья морда! Потеряйся так, чтобы я долго искал тебя и не нашел! – Артем потряс тапкой в воздухе и сделал вид, что не услышал отчетливого «мурррр» из-под кресла, где сидела Света и ревела над своими новыми туфлями.

Артем бы и сам был не прочь немножко пореветь. Три часа, потраченных в торговом центре на поиски этих самых туфель, хорошего настроения ему не добавили. Что в них такого? Обычные «лодочки». У Светки таких полшкафа по коробкам разложено. Но нет! Это все не то! Под новое платье и туфли нужны абсолютно новые. Как это она пойдет на свадьбу будущей свекрови в старой обуви? Кошмар, ужас и попрание всех мыслимых норм эстетики! Что люди скажут?!

Артем подозревал, что людям будет совершенно все равно, в чем придет на торжество его пассия. Неделя выдалась тяжелой и в выходные хотелось отдохнуть, а не тратить время на душевные примерочные и гениальные вопросы, вроде:

– Вот эти бежевые или эти телесные? Артем!

– Они же одинаковые?

– Как ты можешь! Это совершенно разные оттенки! Боже, как с тобой сложно!

Артем привычно пропускал мимо ушей «шпильки» и мечтал о том, чтобы оказаться сейчас где-нибудь в парке, желательно на велосипеде, и в одиночестве. Увы, такое ему не светило! Что поделать, Светка была дипломированным психологом и весьма четко выражала свою позицию. Зная, что сказать, когда, зачем и как.

– Над отношениями, мой дорогой, надо работать! А это значит, что свои интересы необходимо иногда отставлять в сторону и учитывать интересы партнера.

Артема подмывало спросить, конечно, где и когда учитываются его интересы, но от подобных вопросов лучше было воздержаться. Себе дороже! Тем более, что Светкины ноги и великолепная фигура в целом, вполне сходили за аргумент в ее пользу. И лишаться этого на пару недель в результате ссоры точно не хотелось. Светка надует губки, сбежит к маме, и придется долго и нудно вымаливать прощение. Зачем это было нужно Артему, он сам не знал. Его мать, Софья, называла это: «наступить себе на пятку» или «будни человека, не знавшего любви». Артем к ее мнению прислушивался, так как мама была признанным экспертом в любовных делах. Она третий раз собиралась замуж и снова по той самой любви.

– Мам! Ну, объясни ты мне, как так получается? Ты же уже два раза любила? Куда чего девается?

– Уходит в бездну несбывшихся надежд. – Софья лихо разрубала топориком косточку и продолжала разделывать мясо. Кулинаром она была уровня «виртуоз» и Артем, когда не встречался с очередной девушкой, не признавал ресторанов. Так как готовила Софья, не мог готовить никто. И это не было преувеличением. Просто вкуснее, чем у мамы, Артем не ел нигде и никогда.

– А если серьезно?

– А если серьезно, сын, то в браке танго танцуют двое. И если один выдохся или вообще фигуры перепутал и ушел влево, то какое же это танго? Так, полечка на полноги, да и та хромая.

Артем прекрасно знал, что с его отцом, своим первым мужем, Соня разошлась после того, как узнала о наличии у него еще одного ребенка. С сестрой, Сашкой, разница у Артема была всего в два месяца. Чего стоило Соне переварить эту информацию, Артем понял только много лет спустя. Он по праву носил звание старшего брата, а Соня сделала так, чтобы и сестра у него была не номинально, а в наличии. Он не знал, какие аргументы и как использовала мать, но с Верой, Сашкиной матерью, общий язык они нашли, и дети почти с самого рождения были

рядом. Они ходили в один детский сад, потом сидели за одной партой. Даже вуз выбрали один, правда специализацию – разную. Сашка тоже была юристом, но занималась семейными делами.

– Разводы, дележка имущества и прочие прелести. Как доказали даже наши с тобой семейные дела, это золотое дно, Темка! Люди всегда буду жениться и портить себе жизнь, а я буду иметь кусок хлеба с маслом.

– А чего сразу портить? Как будто нельзя жениться и не разводиться!

– Можно! Но это почти утопия в современных реалиях и такие люди ко мне не придут. Я им без надобности. А жаль!

– Жаль, что не придут?

– Жаль, что утопия. Мне-то тоже замуж когда-то захочется. И где взять того самого?

Вопрос остался без ответа, потому, что Артем и сам был не прочь найти «ту самую», но совершенно не представлял, как это сделать.

Надо отдать должное сестрице, с клиентами она всегда вела душеспасительные беседы, пытаясь сохранить семью, но результат это давало крайне редко.

– Странные люди, ей Богу! – уплетая приготовленную Соней рыбу, бурчала Александра. – Что им не живется по-человечески? Причина для развода: «он меня не называет больше «зая» на людях!» Зая, елки-палки! Тебе в обед полтинник, какая из тебя «зая»? Двое детей, внучка в наличии и внук на подходе! Соня, как тебе это?

– Прелестно! – Соня подкладывала Сашке очередной кусочек. – Ешь ты, пожалуйста, как следует! Скоро ветер носить начнет по улицам! А мне нужны здоровые внуки! От Артема не дождусь, так, может, хоть ты порадуешь!

– Пока даже не мечтай! У меня еще не все задуманное сделано.

– Да как скажешь! Главное, не затягивай. Помощь нужна с твоим задуманным?

– Справляюсь пока. – Сашка откидывалась на стуле, пытаясь отдышаться. – У тебя талант!

– Новый? Я чего-то о себе не знаю?

– Способность уморить человека восхитительной стряпней считается?

– Повторяешься!

– Старею!

– Я ж говорю, пора думать о потомстве! – Соня подмигивала сыну и ставила перед Сашкой тарелку с куском домашнего «Наполеона».

Артем покатывался со смеху, наблюдая, как сестра пытается впихнуть в себя очередной Сонин шедевр и не уставал восхищаться матерью.

Сколько сил нужно иметь и какое сердце, чтобы отложить свои амбиции в сторонку и решить, что один ребенок хорошо, но два-то лучше. Он прекрасно знал, что после его рождения и осложнений после родов, Соня была лишена возможности родить еще раз. Мечтавшая о большой семье, она не думала ни минуты, когда узнала, что у Артема есть шанс иметь сестру.

– Если со мной что случится, я буду точно знать, что ты не один.

Вера к Сониной затее отнеслась поначалу весьма прохладно и настороженно. О том, что у Алексея есть семья, она даже не подозревала, поэтому для нее стало огромным сюрпризом, когда на пороге появилась миниатюрная темноволосая женщина с младенцем:

– Добрый день! Я жена вашего возлюбленного. А это его сын. Претензий не имею. В процессе развода.

– Что же вам тогда надо?

Вера оторопело смотрела на женщину, ничего не понимая, и уже предчувствуя скандал, но тут в комнате требовательно заплакала проснувшаяся Сашка и ей оставалось только кивнуть:

– Проходите...

Первый разговор у них не задался, равно как и второй, и третий. Но Соня всегда была упорной в том, что касалось ее целей. Спустя полгода, после того, как Вера окончательно рассталась с Алексеем, они с Соней все-таки пришли к пониманию, и Артем с Сашкой стали братом и сестрой не только на бумаге.

Соня, у которой в наличии была всегда готовая помочь мама, быстро поняла, что Вера нуждается в помощи. Вот только оказать ее было совершенно некому. Родителей Веры уже не было, а больше родственников она не имела. Поэтому, у Сашки, помимо брата, разом появилась еще и бабушка, которая взялась за воспитание девочки с тем же энтузиазмом, что проявляла и в отношении собственного внука. Сашка вместе с Артемом зубрила английский, занималась балетными танцами и ходила в бассейн, где лихо обгоняла на дорожке медлительного брата. Кроме этого, она весьма успешно лупила Артема на татами, не обращая внимания на его поправленную гордость. Впрочем, он сестрой гордился и прощал ей эти мелкие выходки в обмен на дружбу. Тем более, что сильнее Сашки в их возрастной группе каратистов не было. А у него не было никого ближе Александры, не считая, конечно, матери.

Когда Вера узнала, что больна, Сашке было всего двенадцать. Выйдя из кабинета врача, она прислонилась к стене, и посмотрела на Соню, которая ждала ее.

– Ты ее не бросишь?

Соня молча обняла Веру, хотя для этого ей пришлось встать на цыпочки, ведь та была намного выше. И Вера вдруг почувствовала себя маленькой. Так она чувствовала себя, когда ее обнимала мама. И стало чуть легче, и пришли слезы. А еще пришло понимание, что с Сашкой точно будет все в порядке.

Соня была рядом с Верой до самого конца. Полгода, которые отмерили Вере, превратились в два с половиной благодаря тому, что Соня нашла лучших специалистов. К сожалению, время и болезнь взяли свое.

Саша осталась с Соней и Артемом. Алексей пропал почти сразу после расставания с Верой и только алименты, которые одинаково четко капали на счета детей, говорили о том, что отец у них когда-то все-таки был.

Замуж второй раз Соню «выдала» именно Сашка. Не желая «сидеть на шее» у Сони, она на третьем курсе устроилась на работу. Зарплата была смешной до невозможности, но Соня очень серьезно выдала подзатыльник смеющемуся Артему и сказала:

– Начало положено, и оно прекрасно. А ты, балбес! Пусть Сашкиных денег не хватит ей даже на колготки, но она уже сделала все, чтобы стать от меня независимой. А ты? Где твое мужское «я»?

Соня была, конечно, не совсем справедлива. Артем зарабатывал давно и весьма неплохо. Прекрасно разбираясь в программировании, он работал удаленно, еще учась в школе. Но Соня всегда говорила, что он расплывется.

– Определись, чем ты хочешь заниматься серьезно. На двух стульях усидеть точно не получится. Ты теряешь время.

Это позже, уже работая по специальности, он признает ее правоту. Там, где Сашка, получая свои копейки, «собаку съела» на реальных делах, ему пришлось сильно попотеть, имея только теоретические знания.

– Три года потерял. Обидно!

– А, мама тебе говорила! – Сашка увернулась от запущенной в ее сторону подушки с дивана и показала брату язык.

Со своим начальником, Максимом Петровичем, она познакомилась Соню через год, после того, как устроилась в контору.

– Замечательный человек, Сонь!

– И?

– Ты можешь просто пообщаться с ним?

– Зачем?

– Соня! Ты молодая, красивая женщина! Он чертовски привлекательный мужчина без вредных привычек и семейных обязательств. Пока. Что тут непонятного?

– Непонятно словечко «пока». Пока без обязательств или пока без вредных привычек? Что приобретет он после беседы со мной? – Соня смеялась, но просьбе Сашки все-таки уступила.

Максим оказался «ее человеком». Она поняла это почти сразу, но признаться себе в этом было страшно. Как бы один такой «свой» уже был... К счастью, Максим ее сомнения истолковал правильно. Они тихо поженились спустя полгода после знакомства, и Артем с Сашкой громче всех драли глотки на их свадьбе, крича «горько» и не обращая внимания на попытки Сони их урезонить.

Семейная жизнь Сони и Максима началась и закончилась так быстро, что никто толком ничего в ней и не понял. Максим, всего несколько месяцев спустя после свадьбы, ехал домой с работы. Остановился у магазинчика, чтобы купить цветы Соне и, рассчитываясь, вдруг охнул и осел на тротуар. Скорая не успела...

– Он никогда не жаловался на сердце... – Соня твердила эту фразу сутками напролет, не понимая, что происходит.

Сашка, бросив все дела, перебралась в квартиру Сони, чтобы быть рядом. Они с Артемом сменяя друг друга, не выпускали руку Сони из своих. Спустя какое-то время Соня встала, но в себя так и не пришла. Она стала похожа на тень, которая вроде бы и существовала в этом мире, но не влияла больше на него.

Именно тогда в доме появились Бублик и Евгений Павлович. Первый был котом, а второй психиатром.

Кот, впоследствии, перекочевал вслед за Артемом в его новую квартиру.

– Предатель! – ласково потрепала его за толстые щечки напоследок Соня. – Вообще-то, планировалось, что ты будешь моим котом.

Бублик, довольно жмурился, но поглядывал на Артема. Никто не понял, почему в качестве хозяина кот выбрал человека, который чуть что хватался за тапочку, и совершенно не считался с его потребностями, без зазрения совести выставляя за дверь, если хотелось спать. Соня, которая вскакивала чуть свет, чтобы приготовить еду коту, приходила в ужас, когда видела, как сын невозмутимо достает пачку сухого корма из шкафчика.

– Издеваешься над животным!

– Полный набор витаминов и минералов. И к тому же немножко еды там тоже есть. Мам, в чем проблема? У него морда похудела?

Глядя, как кот ластится к Артему, Соня начинала смеяться:

– Это ему точно не грозит, похоже!

Она смирилась с тем, что Бублик жил теперь у Артема, но при малейшем удобном случае не упускала возможности проведать своего «бывшего» кота. Бублик милостиво принимал принесенное свежее мясо и даже позволял себя гладить протокольных пять минут, чем несказанно радовал Соню каждый раз.

– Видишь, он мне рад!

– Ага! – Артем отпихивал от себя толстенькую серую тушку и просил. – Мам! Может вернуть тебе его, а?

– Да я бы с удовольствием, но у Жени же аллергия.

Да, кот от Сони ушел, а психиатр остался. Причем остался не просто так, а с серьезными видами на будущее. Поэтому, Соню, как пациентку, он передал своему товарищу, а сам принялся за ней ухаживать. Назвать это «ухаживаниями» ни у Артема, ни у Сашки язык не поворачивался. Ни цветов, ни конфет, ни театров и, упаси Боже, ресторанов не было. Евгений приезжал с утра в субботу, усаживал Соню в машину и вез ее на рынок. А после помогал готовить

и съедал все, что ставила перед ним хозяйка дома. Он искал новые рецепты и перезнакомился почти со всеми продавцами мяса, рыбы и овощей на местном рынке. Глядя, как колдует над очередным рецептом Соня, сосредоточенно разделявая каким-то хитрым способом рыбу или курицу, он видел, как оживает эта женщина, в которой было столько света, но совершенно не осталось жизни.

– Это хорошо? – Соня держала перед ним ложку, предлагая снять пробу, а он пытался держать себя в руках и не показать вида, как хочется ему сейчас попробовать что-то другое, а вовсе не этот восхитительный плов.

– Это прекрасно! – не кривя душой говорил Евгений и снова опускался на стул в кухне, которую он знал уже лучше, чем собственную.

На то, чтобы вытащить Соню из депрессии у него и врачей ушло два года. И, когда он, наконец, понял, что она в порядке, Евгений пропал. Соня металась, пытаясь найти его, обрывала телефон, звоня знакомым, но все было тщетно. Тогда за дело взялся Артем. Найдя Евгения, он не стал церемониться, а просто в лоб спросил его:

– Любовь прошла?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Она теперь в порядке. Я ей больше не нужен.

Артем не стесняясь покрутил у виска, затолкал Евгения в машину, применив грубую силу, и привез к Соне.

– Разбирайтесь сами! И чем скорее, тем лучше!

Еще год ушел у Евгения на то, чтобы уговорить Соню выйти за него замуж. В ход пошло все, вплоть до полной медицинской карты, которую Женя предъявил будущей жене.

– Сонечка, я здоров! Настолько, насколько может быть здоров мужчина в моем возрасте. Я обещаю беречь тебя, да и себя тоже, как зеницу ока. Соглашайся уже, а?

Соня, вымотала нервы всем, включая Бублика, который терпеливо сносил Сонины руки, пока она часами вела беседы с сыном, пытаясь понять, что делать, а потом на сутки уходил жить под диван. Но в итоге, согласилась.

– Артем! В чем я теперь пойду? Времени нет уже что-то другое купить! Я же говорила, что надо отдать это недоразумение! Это не кот, а вредитель! – Света бросила размазывать слезы по щекам.

– Эй! Уважаешь меня, значит, уважай и моего кота.

– Уважаешь? – Света вдруг взвизгнула и вскочила. – За что мне тебя уважать, мой дорогой? Я тебя много раз просила, чтобы ты от него избавился, но тебе наплевать на то, что я говорю! Кто тебе дороже, я или кот?

Артем мягко взял Свету за плечи и заставил сделать шаг сторону. Лапа, мелькнувшая из-под кресла, прошла мимо ноги девушки.

– Не трогай меня! – Света отбросила руки Артема. – Тебе все равно, что я говорю, тебе все равно, что я чувствую, а, значит, тебе все равно, есть ли я рядом. Я ухожу!

Артем опустил голову, глядя прямо в два внимательных желтых глаза, следящих за ним, и спросил:

– Ты вещи сразу заберешь? Или потом?

Светлана, поперхнувшись от возмущения следующей фразой, которую готовилась выдать, вдруг остыла и удивленно посмотрела на Артема:

– Что? Что ты сказал?

– Я спросил, ты вещи свои сейчас заберешь или позже? Света, кот. Я выбираю кота.

Он опустился на колени и позвал:

– Иди сюда, злодей! Никакой личной жизни с тобой.

Бублик тут же забрался к нему на руки и зашипел на Светлану, которая шагнула было к Артему.

– Это все? – вопрос прозвучал так по-детски беспомощно, что Артем невольно вздрогнул.

– Ты же сама говорила, что над отношениями надо работать. А мне нужен отпуск. Поэтому, я увольняюсь. Все, Свет, все. Хватит мотать друг другу нервы.

Забрав Бублика, он ушел на кухню и, глядя, как кот ест, слушал, как Света костерит его на все лады, собирая вещи. Хлопнула дверь, Бублик поднял голову от миски, что было признаком самого высокого признания, ведь оторваться от еды было равнозначно концу света, и посмотрел на Артема.

– Что, друг мой? Твоя подлость сегодня, кажется, спасла меня от большой ошибки. Хотя ноги у Светки все-таки стоили того, чтобы не портить ей жизнь столь варварским способом. Ладно, можешь забыть про тапку до следующей женщины в моей жизни.

Бублик прищурился, глядя на хозяина, и поразмыслив, решил все-таки воздержаться от замечаний. Миска почти опустела, заняться было больше нечем, поэтому он потопал в комнату, скрывать следы своего злодеяния. Брезгливо «закапывая» валяющуюся посреди комнаты туфельку, оставленную Светой, он ворчал, поглядывая на Артема.

– Да понял, я, понял все, что ты думаешь по этому поводу! Интересно, найдется ли та, которой ты выдашь разрешение быть со мной рядом?

Бублик молча шурился, наблюдая за хозяином. Разве объяснишь этим двуногим, что в человеке главное?

Подождав, пока Артем завалится на диван с планшетом, Бублик пристроился у него под боком и заурчал. Ничего, пусть хозяин успокоится, подумает, съест чего-нибудь вкусного, из того, что принесет странная женщина с ласковыми руками, и все наладится. Лишь бы не привел опять такую же девицу, которая будет обижать его и пинать Бублика при каждом удобном случае. Кот не мог рассказать Артему, что пока того не было дома, ему приходилось прятаться. А, поскольку в маленькой квартире, кроме как под диван, было некуда, то доставалось Бублику от Светланы по полной программе. Она выгоняла его шваброй из-под дивана и лупила тапкой, приговаривая:

– Я все равно заставлю его тебя отдать! В приют! Куда угодно, но здесь ты жить не будешь!

Бублик не понимал, как можно быть такой злой? Ведь другие женщины, которые приходили к Артему, его не обижали. Ни Соня, которую он даже где-то любил за ласковые руки и вкусные вещи, которые та приносила, ни Саша, которую Бублик вообще уважал безмерно, ведь она не посягала на его неприкосновенность, и он сам изредка приходил к ней, позволяя себя погладить. Где бы найти еще одну такую? Желательно, два в одном. Артем выбирать не умеет, это уже понятно. Та, что была до Светланы, ничем от нее не отличалась. Правда, кожаную обувь она не любила, но и кроссовки служили средством мести вполне успешно, а визга было даже больше, потому, что у той девицы обуви было не так много, как у Светы, и вся она помещалась в прихожей, где достать ее было легче, чем из шкафа.

Бублик не мог знать, что всего через неделю после Сониной свадьбы, куда Артем пойдет один и сбежит через пару часов, потому, что Соня выдаст разрешение Сашке знакомить брата со всеми представительницами женского пола от восемнадцати до шестидесяти, он решит, что нахальный голубь, сидящий на перилах балкона – это вполне легкая добыча. Шестой этаж окажется гораздо выше, чем могло бы показаться, и только ветки дерева, которое росло под балконом, немного смягчат падение. Артем будет гнать машину, наплевав на штрафы, и успеет донести его до клиники. Соня и Сашка приедут туда сразу, как только узнают. И Соня удивленно поднимет брови, переводя взгляд с сына на уставшего молодого врача, которая выйдет из операционной, стянет с рук перчатки, снимет маску, и улыбнется:

– Будет жить ваш толстячок. Только, застеклить балкон все же не помешает. Если раз попробовал, то может и повторить. Инстинкты, куда ж от них.

И Сашка громко фыркнет, повторив последнюю фразу, глядя на брата:

– Куда ж от них!

Артем, будет стоять столбом, глядя на эту девушку, и выдавит из себя только банальное:

– Спасибо!

А потом устроит Сашке настоящий допрос с пристрастием, ведь она вытолкает его за дверь, чтобы расспросить подробнее не сколько о коте, сколько о враче, что так впечатлила брата. В результате Артем получит от Саши номер телефона Арины и будет еще неделю маяться, не сводя с нее глаз на перевязках, машинально почесывая Бублика за ухом, прежде, чем решится все-таки позвонить. Он даже не обратит внимания на то, что кот будет позволять Арине делать с ним все что угодно, начиная с градусника и заканчивая уколами.

А спустя еще полгода Бублик пристроится поближе к руке Арины, свисающей с дивана, подсунув лобастую голову под ее ладонь. Это завтра его отвезут на две недели к Соне, потому, что Арина с Артемом улетят в свадебное путешествие, а сегодня он будет разглядывать странную белую штуку, которая воздушным облаком укроет кресло и часть пола, тихонечко мурчать, обняв лапами тапочек новой хозяйки, и думать о том, что Артем не так безнадежен, как ему казалось, и все-таки сумел разглядеть то, что в человеке главное.

И ни разу, за пять лет, которые пройдут со дня свадьбы Артема и Арины, Бублик не услышит больше:

– Бублик! Наглая кошачья морда! Где мой тапок?!

Вишнёвое варенье

– Лен, а где тазик мамин? Ну тот, помнишь? В котором она всегда варила варенье? – Ольга открывала один за другим шкафчики на тесной дачной кухоньке. – Нет его нигде! Я уже все обыскала.

– Может, она его на чердак убрала? Она говорила, что после того, как папа ушел из дома, варенье варить больше не для кого.

– Конечно, мы ж не люди... – Ольга поднялась с колен, на которых стояла перед открытой дверцей последнего шкафчика, и охнула.

– Что ты, Оль? – Лена с тревогой глянула на сестру.

– Да спина опять. Ничего страшного. Просто в неудобной позе постояла.

– Ты бы к врачу ходила.

– А что мне там нового скажут? Все это я уже слышала.

– Ты прям как мама! – Лена возмущенно махнула рукой. Капли воды, в которой она мыла вишню, сорвались с кончиков пальцев и разлетелись по кухне. Часть попала на Мурзика, который сладко посапывал на стуле рядом с Леной. Кот возмущенно фыркнул и приоткрыл желтый, как лепесток подсолнуха, глаз. Оглядев сестер, он накрыл нос лапой и снова зажмурился. Не ругаются и ладно. – Ты же сама ей все время твердила про врачей и возмущалась, когда она не хотела здоровьем заниматься. А она тебя не слушала. И во что это вылилось?

– Лен, давай не будем. Сама знаешь, что спина у меня давно болит и все равно болеть будет. Так чего сейчас об этом? Давай лучше тазик найдем. Я ведь пробовала в другом варить – не то получается. Вкусно, но не то.

– Может, мама какой-то секрет знает?

– Никогда не говорила. Да и сколько раз мы с ней варенье варили – ничего такого. Все, как всегда.

Лена поднялась и вышла из кухни.

– Ты куда? – крикнула ей вслед Ольга.

– На чердак.

– Я бы сама слазила.

– Сиди уж. Если там в спину вступит, то тогда только подъемный кран вызывать.

Дородная Ольга рассмеялась в ответ. У них с сестрой было не принято делать реверансы друг другу. Все выдавалось как есть, без обиняков. Очень разные внешне, характером они были похожи, как две вишенки с одной ветки. Худая как жердь, высокая Лена нередко подначивала полненькую невысокую Ольгу. Природа странно и удивительно распорядилась внешностью девочек в одной семье. Ольга была похожа на родителей ровно настолько, чтобы окружающие не могли сказать «не ваша». Глаза, синие и прозрачные, как льдинки, были матери, а темные кудряшки достались от отца. И все. Больше ничего общего с родителями у Оли не было. Она как две капли воды была похожа на бабушку по материнской линии. Такая же пухленькая, с виду мягкая, как сдобная булочка, Оля с малолетства всем показала, что характер бабушки, так же, как и внешность, достался ей в наследство не просто так. Первым словом ее стало вовсе не «мама». Сердито нахмутив бровки, маленькая Оля вцепилась в ложку, которую держала перед ней мама и выдала: «Сама!». Это слово стало для нее лейтмотивом всей жизни.

Она очень хорошо знала историю своей семьи и гордилась, когда ее сравнивали с бабушкой. Галина Яковлевна была семейной легендой. Овдовев в двадцать три года, оставшись с двумя детьми-близняшками на руках совершенно одна, поскольку родителей у нее не было, а свекры наотрез отказались помогать, сославшись на свое горе от потери сына, Галя не опустила руки, не стала ныть. Понимая, что на крошечную зарплату машинистки детей ей не поднять, она пошла на поклон к соседке.

– Лидия Львовна, вы столько людей знаете. Может быть кому-то нужна уборщица или помощница по хозяйству? Мне работа очень нужна. Вы меня знаете, я очень аккуратная и не боюсь ручки замарать.

– Знаю, – прогудела в ответ Лидия Львовна.

Высокая, крепкая как дуб, она уже больше десяти лет работала директором школы, где ее уважали и боялись все, начиная от первоклашек и кончая уборщицей, которая пережила двух директоров еще до того, как в школу пришла работать молодая Лидочка. Через пятнадцать лет сменив непочтительное «Лидочка» на «Лидия Львовна», тетя Паша уважительно качала головой:

– Вот, какой начальник должен быть! Чтобы от любви к нему глаз слезился, а от уважения и страха коленки подрагивали.

Связей и знакомств у Лидии Львовны было в избытке.

– Только, – подлив в чашку Галины чай, Лидия смерила бывшую свою выпускницу суровым взглядом, – ты уверена, что сможешь подстроиться под какую-нибудь истеричку? Те дамы, что ищут помощи по хозяйству, иногда бывают весьма странными.

– А у меня выбор есть?

– Нет. Никакого. Или работаешь, или нет. Скажи-ка мне, а почему ты детей своих хотя бы на время в детдом не пристроишь? Встанешь на ноги – заберешь.

Галина, на мгновение потеряв дыхание, замерла, а потом, выдохнув, встала и с достоинством ответила:

– Не так воспитана, чтобы детей своих, как котят, под чужой забор подбрасывать. Спасибо! Я справлюсь.

– Сядь! – Лидия Львовна с улыбкой кивнула нахохлившейся Галине. – Вот теперь вижу, справишься. Характера хватает, но и разума достаточно. Другая бы послала меня лесами-полями, а ты в руках себя держишь. Поэтому, помогу тебе.

Свое слово Лидия сдержала. Пристроив Галину на работу к Милочке, она какое-то время присматривала за ней, а потом заявила:

– Справляешься. Я больше не нужна. Если что – дорогу ко мне знаешь. Дети подрастут – приходи. Подумаем, к кому из учителей отдать.

Милочка была оперной дивой. Взбалмошная, несобранная, очень капризная во всем, она обладала недюжинным талантом и очень добрым сердцем.

– Галочка, а где ваши чудные детки? Я видела, как вы гуляли с колясочкой.

– Соседка присматривает.

– Бог мой! Это же неправильно! Дети в таком нежном возрасте должны быть с мамой! Берите их с собой. Вам же спокойнее будет.

– А они не будут вам мешать?

– Да чем, милая? У меня столько комнат, что я сама в них заблудиться боюсь. И дома я не так часто. А если дома, то пусть привыкают к хорошей музыке. Это правильно! Это душа!

Галина поначалу стеснялась, не понимая, зачем Милочке нужны все эти хлопоты, а потом разобралась. При всем своем таланте, поклонниках и активной светской жизни, Милочка была совершенно одна. Как-то под Новый Год она слегка перебрала и рассказала Галине свою историю.

– Вот так, Галочка! Музыка и только музыка. Она не терпит конкуренции. Или я такая странненькая, что не смогла правильно все устроить. Одна ошибка и все. Теперь я бездетна, а кому такая женщина рядом нужна? Даже если бы и нашелся такой прекрасный мужчина, что согласился бы, я бы не смогла.

– А разве женщина – это только дети? – Галина осторожно спросила, боясь обидеть Милочку.

– Нет, конечно, нет. Но разве это и не главное в ней? Не знаю. Я же про себя. А мне осталась только музыка...

К детям Галины Милочка привязалась всем своим нерастроченным сердцем.

– Галочка, позвольте мне быть им крестной матерью. Я понимаю, что сейчас это не принято, но я хочу!

Галине нечего было ответить на это, кроме как дать согласие. Она невольно хмурилась, глядя, как Милочка балует близняшек, но молчала, понимая, что больше это нужно вовсе не детям.

– У Зиночки прекрасный слух! Ее необходимо отдать на скрипку! А Катеньки чуть хуже, но есть же и другие инструменты!

Так близняшки оказались в музыкальной школе. Галина, наконец, доучилась, оставила работу машинистки и устроилась в другое место. Зарплата здесь была в разы выше и необходимость в подработке отпала. Но Милочку Галина не бросила. К тому времени эта женщина стала для нее той самой семьей, которой у Гали давно уже не было. И когда Милочка заболела, Галина, посмотрев, как та справляется, покачала головой:

– Как ребенок!

Три года она жила на два дома. Девочки требовали внимания, но понимали, что оставить Милочку мать не сможет. Они, как могли, помогали маме. После школы бежали к любимой «тетушке», чтобы сделать уборку в квартире и попытаться уговорить ее хоть что-то съесть

– Ну, пожалуйста, еще ложечку. Мамин супчик же, Милочка! Ты же любишь!

Мила, которая таяла буквально на глазах, устало отворачивалась.

– Не могу больше, Зиночка. Лучше сыграй мне или спойте что-нибудь вместе. А я послушаю. Мне легче станет.

Милочка ушла зимой, очень тихо, во сне. Забывшая к ней с утра перед работой Галина даже не сразу поняла, что случилось. Окликнув Милу из прихожей, она что-то начала рассказывать, но не услышав ответа, поспешила в комнату. И, только подойдя поближе к кровати, она все поняла. Милочка лежала очень красивая и очень строгая. Она вдруг стала похожа на себя прежнюю, такую, какой помнила ее Галина. Не похудевшую до невозможности, похожую на обтянутый кожей скелет, а стройную, звонкую, как струна, молодую еще женщину, которая становилась у рояля, занимавшего почти всю гостиную и прислушавшись к звуку, зазвеневшему в тишине, вдруг брала его, безупречно попав точно в тон и начинала петь так, что замирало сердце, выключалась, занятая бытовыми проблемами, голова и в душе начинало зреть тихое, какое-то свободное от всего, что тяготило в этом мире, счастье.

Проводив Милочку, Галина долго тянула, прежде, чем собраться и перебраться в квартиру, оставленную в наследство девочкам. Квартира, дача – все это было расписано в долях на детей и Галина, увидев завещание, удивленно ахнула.

– Не стоит удивляться. Милочка считала девочек и своими детьми.

Нотариус, оформлявший документы, хорошо знал Милу и, похлопав Галину по руке, признался:

– Лучшей женщины я в жизни своей не встречал и уже, наверное, не встречу. Поэтому, не тревожьте ее память. Примите с благодарностью все то, чем она хотела наделить тех, кто подарил ей хотя бы иллюзию материнства. Примите и скажите просто «спасибо». Она так хотела.

– Спасибо...

Девочки росли не по дням, а по часам. Только что Галя покупала им одинаковые погремушки, а вот уже и школа за плечами. Выбрав в качестве профессии отнюдь не музыку, Зина и Катя окончили институт и, получив дипломы, разъехались, вслед за мужьями, в разные концы страны. Несколько лет все шло своим чередом. Появились первенцы в обеих семьях, несказанно обрадовав Галину, которая с разницей в два месяца стала дважды бабушкой. Съездив по очереди в гости к дочерям, Галина крепко задумалась. Если у Зины с мужем все было хорошо,

то у Кати семейная жизнь складывалась не так гладко. Геннадий, муж Катерины, был не очень «пробивным». Спокойный, очень мягкий молодой человек, никак не мог наладить семейные дела так, чтобы не сводить концы с концами, а жить мало-мальски в достатке. Своего жилья у молодых не было, и характерная Катя с трудом уживалась со свекровью. Поразмыслив, Галина предложила «детям» перебраться поближе к ней и занять Милочкину квартиру.

– Зина не против. У них все хорошо. А вам нужно немного успокоиться. А то и мужа потеряешь, и ребенок без отца останется. – Галя разом отmelda все возражения дочери.

Ольга помнила, как они впервые переступили порог Милочкиной квартиры. Открыв рот, она, на тот момент пятилетняя, смотрела на огромный, похожий на какое-то спящее животное, рояль. Пока взрослые суетились, занимаясь вещами и коробками, она тихонько открыла крышку и коснулась клавиш. Рояль совсем по-человечески вздохнул и выдал сначала одну ноту, потом еще и еще. Это была, конечно, совсем не музыка, а просто звуки, но они настолько поразили Олю, что девочка, забыв обо всем, снова и снова нажимала на клавиши, лишь бы услышать их.

– Оля! – грозный окрик матери застал девочку врасплох, и она от испуга дернулась. Крышка, которую Оля придерживала одной рукой, упала обратно закрыв собой клавиши и больно ударив по пальцам девочку. Слезы невольно брызнули из глаз Ольги, когда к боли, которая разливалась по руке, добавилась боль от материнского шлепка.

– Не смей трогать инструмент!

Оля с ревом кинулась к Галине, которая заглянула в комнату.

– Что ты? Что такое, Олюшка?

Галя перевела взгляд с внучки на недовольную дочь и покачала головой:

– Катя! Ты что?! Зачем же так? Разве Милочка когда-то вам запрещала трогать рояль?

– Я не Милочка, мама. И не хочу, чтобы Оля испортила инструмент. Может еще пригодится.

– А если у нее талант? И слух есть, как у тебя или у Зины?

– Да нет там ничего! – отмахнулась от матери Катерина. – Я бы уже давно поняла. Гудит как паровоз.

Так для Оли дорога к музыке была закрыта. Как не пыталась потом уговорить Галина дочь, Катя была непреклонна. Оля будет заниматься чем угодно, только не музыкой. Галина первое время не могла понять, почему дочь так не жалуется свою старшую девочку, но когда на свет появилась Лена, все встало на свои места.

– Красавица моя! Солнышко! – ворковала над Леночкой Катерина. – Будешь самая красивая, самая умная, самая лучшая!

– Катя...

– Что, мама? Я так мечтала о ребенке, так хотела ее! Ты посмотри, какая она прелестная получилась!

– Чудо, ты права! Но, Катя, у тебя же уже есть ребенок. А как же Оля?

– А что Оля? – Катя недоуменно глянула на мать. – С Олей все хорошо. Мама, что ты мне голову морочишь? У меня радость! А ты тут... Я так мечтала, что когда-нибудь появится ребенок, который будет только мой. Что меня никто не будет трогать, мешать, терзать. Что я буду жить в своем доме, на своих условиях. И делать все так, как хочу я, а не кто-то. Я сейчас такая счастливая, мамочка! Ты даже себе не представляешь!

Галина молча качала головой и забирала на дачу Олю. Она видела, как потерялась после рождения младшей сестры Оля и как сложно ей принять то, что теперь она, мало того, что не единственный ребенок в семье, но и, похоже, лишняя.

– Бабушка, а мама теперь меня не любит? У нее новый ребенок?

– Что ты, детка! Просто Леночка еще совсем маленькая. Не умеет ни ходить, ни говорить. Ей очень нужна мама рядом. Она же не может сама взять ложечку и поесть, как это делаешь

ты. Ее нужно кормить. И одеваться она сама тоже не умеет, как ты, моя умница. Но это вовсе не значит, что ты маме не нужна. Вот подрастет немного Леночка и ей очень нужна будет твоя помощь. Ты же старшая сестренка! Кто научит Леночку всему-всему?

Оля была очень умной девочкой. Она прекрасно понимала, что Лена никуда не денется и теперь придется мириться с ее существованием. А еще она поняла то, что Леночка не могла занять ее место. Она заняла свое. Просто оно оказалось больше, чем то, которое было отведено в свое время самой Оле. Ей никто не объяснял тогда, почему младших детей иногда родители любят больше старших. Она поняла это сама. А, поняв, сначала обиделась, но не на сестру, а на маму, а потом решила, что если ничего сделать с этим нельзя, то можно хотя бы попытаться сделать так, чтобы ее заметили. Она отлично училась в школе, рисовала, занималась художественной гимнастикой. Но на все ее успехи мать лишь рассеянно кивала:

– Молодец!

Когда же подросла Лена, все стало еще хуже. Теперь уже Катя видела только младшую дочь. Все, что бы не делала Лена, было прекрасно и восхищало мать до глубины души.

– Мама, ты подумай! Ей всего шесть, а она уже читает!

– Олюшка читала с пяти.

– Ой, перестань! Я тебе про Леночку, а ты мне... Кстати, ее взяли в музыкальную школу! Пока в подготовительный, но это ведь только начало. У нее слух прекрасный! Пригодился инструмент!

Галина восторги дочери не разделяла. Ей было до слез обидно за старшую внучку, но с Катей она ничего поделать не могла. Не раз дело доходило до ссоры и со временем Галя поняла – проще не вмешиваться, а постараться сделать так, чтобы сестры не потеряли связь друг с другом. Это оказалось очень сложной задачей, и Галина день и ночь ломала голову над тем, как не допустить еще большего перекося. Помог случай.

Квартира Милочки была в безраздельном пользовании Кати много лет, равно, как и дача. Но у Зины изменились обстоятельства, и она надумала вернуться в родной город.

– Здесь ты, мамочка, Катя... А я там одна. Подруг не нажила.

– А что так? Люди неважные попадают или сама испортилась? – Катя насмешливо подмигнула сестре, но та шутку не оценила и нахмурилась.

– Нет, Катя. Просто плохо, наверное, когда у тебя муж, мало того, что красивый, так еще и немножечко бабник.

– О, сестренка! Как себя ставишь низко! Нельзя так! Мужика надо держать в ежовых рукавицах.

– Мудрая ты моя... – Зина нахмурилась еще больше, в глазах мелькнула тоска, но, взяв себя в руки, женщина через силу улыбнулась. – Учиться у тебя буду. Как надо.

Катя молча пожала плечами и посмотрела на мать.

– Зиночка, а как вы здесь устраиваться думаете? Меняться или как?

– Нет, мам. Там квартира служебная была. А теперь...

– Ну и ладно. Есть же Милочкина квартира и моя. Как-нибудь разберемся.

Катя молча слушала разговор матери с сестрой и мрачнела. Беседа эта ей не нравилась. Наскоро распрощавшись, она ушла и дома дала волю чувствам.

– Это как называется, Геночка? Мы столько лет здесь прожили, а теперь подвинься? Зина никак эту квартиру не содержала, не помогала. А мы и ремонт, и все... Что ты молчишь?!

– А что сказать, Катюша? Как не крути – квартиру вам Милочка завещала обеим.

– И ты туда же! – Катя возмущенно прикрикнула на мужа. – У тебя двое детей, а ты!

– А что папа, мам? – Оля зашла в комнату и вмешалась в разговор. – Все верно он говорит.

– А тебя вообще не спрашивали! Замуж выйдешь – куда жить придешь? К матери? Вот и помалкивай!

– Мама, так нельзя...

– У тебя забыла спросить! Иди, Оля, займись своими делами, а? – Катя устало опустилась в кресло. – И скажи Леночке, пусть придет, виски мне помассирует. Голова разболелась.

– Давай, я...

– Я сказала, позови Лену! – в голосе Кати появился металл и Оля, отвернувшись, чтобы мать не заметила, как задрожали к ней губы, вышла.

На конфликт с родными Катя все-таки не пошла. То ли понимала, что, переругавшись с сестрой и матерью, останется совершенно одна, то ли решила отложить до поры до времени разбирательства. Милочкину квартиру разменяли и сестры разъехались, договорившись, что дачу продавать не станут, а будут пользоваться ею вместе. Дом большой, места всем хватит.

Галина старела в окружении родных и не могла нарадоваться на внучек. Оля и Лена – Катины, Ниночка и Полина – Зинаиды. Дети стали для нее настоящей отрадой.

– Я как та квочка! – Галина смеялась, обнимая разом всех своих девчонок. – Всех цыплят любимых под крыло собрала.

Она мечтала о том, как девочки вырастут, выйдут замуж и сделают ее прабабкой. Но мечтам этим сбыться было не суждено. В ветреный осенний день Галина поехала на дачу, чтобы подготовить ее к зиме. Большая ветка с соседского ореха, который давно надо было спилить, потому, что он был наполовину сухой, упала, сломавшись, как раз тогда, когда Галя проходила мимо. Нашли Галину не сразу, ведь в поселке уже почти никого не было, и врачам осталось только развести руками, когда сутки спустя в реанимации у Галины остановилось все-таки сердце.

Разом осиротела семья. Не было больше ни вкусных пирогов, которые умела печь только Галина, ни душевных разговоров, ни дельного совета именно тогда, когда он был особенно нужен.

Полгода спустя после ухода Галины, Геннадий объявил Кате, что уходит от нее.

– Почему?! – Катя билась в истерике, не понимая, что происходит.

– Не могу больше. Помогать буду, но жить с тобой сил моих больше нет.

– У тебя другая!

– Нет, Катя. Никого у меня нет. – Гена устало глянул на жену, но объяснять дальше что-либо отказался.

Катя винила всех вокруг, кроме себя. Досталось и Оле, и даже любимой Леночке.

– Чтобы не смели с отцом видеться! Ослушаетесь – домой не приходите.

– Мама, ты себя слышишь? – Оля удивленно посмотрела на мать. – Нам сколько лет? Ты долго еще будешь думать, что можешь командовать нами как хочешь? С отцом я видеться буду. А если тебя что-то не устраивает, могу прекратить общение с тобой!

Катя, онемев от неожиданности, открыла было рот, чтобы отчитать дочь, но тут рядом с Олей встала Лена и мать, глянув, как совершенно одинаково нахмурились ее дети, поняла, что лучше сейчас отступить. И если Олю она отпустила бы на все четыре стороны с легкостью, то потерять Лену для нее было совершенно невыносимо.

– Делайте, вы, что хотите! Совсем мать не жалеете!

Она какое-то время пыталась переманить на свою сторону Лену, но быстро оставила эти попытки.

– Не ожидала от тебя такого! – Катя лила слезы, сидя в стареньком продавленном кресле на даче. – Я же для тебя жила, а ты...

– А что я, мама? – Лена так же быстро теряла терпение, как и мать. – Что плохого я сделала?

На этот вопрос у Кати ответа не было. Все ее доводы разбивались о железное Леночкино:

– Он мой отец, Оля моя сестра. Мы семья! И пусть тебе это не нравится, общаться с ними я не перестану!

Со временем все немного успокоилось и Катя перестала злиться в открытую. Теперь ее главной задачей стало вернуть себе Леночку.

– Нашла! – голос Лены прозвучал глухо, но Оля услышала сестру.

– Медный, тот самый?

– Ага! Сейчас соображу, как теперь слезть отсюда и можно ставить варенье.

Оля испуганно охнула и кинулась к шаткой лесенке, ведущей на чердак.

– Осторожно, Леночка! Не спеши!

– Нашла торопыгу! – усмехнулась Лена, медленно спускаясь с чердака. – На! Иди мой! А я сейчас переоденусь и приду. Вся вывозилась! Надо девчонок туда загнать, как приедут. Пусть все почистят.

Через пару часов сестры сидели на кухне и пили чай. На столе, остывая, поблескивал начищенными боками старый тазик, полный вишневого варенья, от которого шел такой густой аромат, что Мурзик сбегал досыпать на веранду. Вот если бы пахло тушенкой, которую мастерски закатывала в банки Катерина, когда приезжала осенью, тогда другое дело. А так... Варенье какое-то! И что только люди в нем нашли?

– Лен, а ты помнишь, как мама варила варенье раньше? Не таз и не два. Все полки были банками уставлены.

– Помню, конечно! Папа вишневое очень любил. Мог ложками есть.

– А мама сердилась...

– Не любила, когда он из банки прямо. Все время говорила, что он не один...

– Говорила... А сама все сделала, чтобы он один остался.

– Ну, так не получилось же, Оль! У него мы есть.

– Зато у мамы получилось. У нее только мы и остались. С Зиной все-таки переругалась. Племянников видеть не хочет. Ни с кем не общается толком. Даже подруг разогнала. Почему так, Лен?

– Знать бы... – Лена вздохнула и подлила чаю себе и сестре. – Я вообще маму никогда не понимала.

– Странно! А она всегда твердила, что только ты ее и понимала.

– Да куда там! Как можно было понять ее вот это вечное: «Леночка, не смотри на Олю! Она тебе не подруга». А кто?! Почему она всегда меня от тебя отвернуть пыталась, а? Ревновала что ли?

– Может и так.

– Глупость какая!

– А помнишь, как ты мне обратно все игрушки притаскивала, которые мама у меня забирала и отдавала тебе.

– И все это под предлогом, что ты выросла и они тебе теперь ни к чему. – Лена согласно кивнула и засмеялась. – Она ведь так и не поняла, что моими они не стали. И Лялька твоя любимая, и Потапыч. А ты помнишь, как она тебя гоняла, когда я заниматься садилась?

– А то! – Ольга встала и подбоченилась. – «Ольга! Вон из комнаты, ты мешаешь! Леночка, детка, занимайся!»

– Да-да! – Лена покатила со смеху, глядя, как преобразилась сестра и как похожа она на мгновение стала на мать.

– Ей ведь и в голову не приходило, что ты меня учишь играть на рояле. Что все твои уроки в музыкалке мы повторяли на двоих.

– Ты любила рояль больше, чем я. И сейчас играешь лучше.

– Да куда там! – Оля отмахнулась от сестры, хотя видно было, что комплимент ей приятен.

– Жаль, что ты не стала поступать в музыкальное училище.

– Ничего, цифры – это тоже немножко музыка. Когда я в налоговую годовой отчет сдаю, это та еще симфония!

Они, отсмеявшись, помолчали, а потом Лена спросила:

– Оль, а как думаешь, почему мама так?

– Не знаю. Свою голову не приставишь, в чужую – не заглянешь. Я тоже об этом часто думаю. Бабушка нас любила. Всех, без исключения. И дочерей своих в любви растила. Зиночка говорила, что никогда их не разделяла, всегда все поровну. Она тоже не понимает, почему Катя с ней так. Откуда столько злости и обиды? Но Зина умнее нас. Она в причинах не копается. Говорит, что смысла не видит. Сказала, что если придет Катя к ней, то о прошлом и вспоминать не станет. Мало ли! Помрачение нашло на человека. Бывает. Чем обиды копить, так лучше уж худой мир на один денек, но вместе.

– Как считаешь, права она?

Ольга помолчала, машинально переставляя чашки и вазочку с конфетами на столе.

– Думаю, да, Лен. Будь я помоложе и поглупее, ответила бы по-другому. А сейчас уже начинаю понимать, что Зина права. Время, оно, ох, как торопится. Мама этого понимать не хочет. Вот так сейчас рядом человек, а потом и «прости» сказать будет некому.

– Сама придумала?

Ольга покачала головой и улыбнулась:

– Нет. Бабушка Галя научила. Давно уже. Ты еще маленькая была. Знаешь, она мне всегда твердила, что дороже родных на этом свете нет никого. И даже если тебя они не так любят, как тебе хотелось бы, самой-то никто не запрещает любить их так, как хочется.

– Зиночка так и делает.

– Может и до мамы это, наконец, дойдет когда-нибудь. Все-таки возраст уже. Ой! – Ольга испуганно ахнула, глянув на часы. – И чего мы с тобой сидим? Скоро наши приедут, а у нас конь не валялся! Давай-ка скоренько! Ты – окрошку, а я пирожки. Быстрее управимся.

Через пару часов у калитки притормозил небольшой микроавтобус, который вел зять Зиначки, и оттуда горохом посыпалась детвора.

– Ба-буш-киии! – дружный крик взметнулся над вишнями в вечернее небо и Мурзик шархнулся с веранды в кусты.

Он отлично знал, чем ему грозит прибытие многочисленной детворы, которую кот давно уже перестал считать. Здесь были и Зинины правнуки, и Ольгины внучки, и любимый, но, пока единственный, внук Лены. Спрятавшись в кустах, кот наблюдал, как на веранде зажглись одна за другой все лампы и вокруг большого круглого, оставшегося еще от Милочки, стола с тяжелой скатертью, расселись галдящие дети. И перед каждым появилась «своя» кружка, каждую из которых тщательно хранили, доставая лишь к приезду детей. Как Ольга принесла тазик с вареньем. И это означало, что в банки закатывать завтра будет нечего, потому, что все съедят уже сегодня. И косточки будут тайком лететь с веранды в кусты, пущенные ловкими пальцами. А если кто-то из взрослых это все-таки увидит, то детворой будут сделаны очень круглые глаза и прозвучит неизменное:

– Дерево вырастет! Чтобы нам потом тоже варенье варить! Ну, ба!

А потом все разбредутся по дому, чтобы приготовиться ко сну. Но спать, конечно никто не пойдет, а будут сидеть на ступеньках веранды долго, почти всю ночь, и тихо петь, пока не уснут на руках младшие. И тогда Мурзику можно будет выбраться из своего укрытия, пройти по сонно притихшему дому и пристроиться под боком у кого-то из малышей. И чья-то маленькая ладошка шлепнет его по боку, а потом зароется пальцами в пушистую шерсть. И он замурчит тихонько, прогоняя плохие сны, а потом уснет и сам, слушая сквозь дрему, как тихо дышит вокруг счастье.

Девятый вал

– Ира, не ори!

– Я не ору! – Ирина смахнула с глаз челку и выдохнула.

Достали! Почему все время от нее кто-то чего-то хочет? И ладно бы на работе! Но дома та же песня! Только присела отдохнуть, чай себе сделала, а тут сын со своим вечным:

– Мам, я забыл! Мне на завтра надо сочинение написать и проект по биологии сделать.

Прекрасно! Полночи веселья обеспечено! Потому, что сына, она, конечно, отправит спать, ведь даром, что у него вторая смена, но утром-то – тренировка. А много он там наплавает, если не выспится? Соревнования на носу. И так каждый день стонет, что в команду не возьмут.

– Мам... – Святик прижался к плечу матери и поцеловал в щеку. – Прости! Я, правда, забыл. А сочинение только сегодня задали.

– Тогда почему даже не начал писать? – Ирина открыла учебник.

– Да, когда? Сначала на тренировке был, а потом к бабушке ездил. Она помочь просила.

– Ладно. Я поняла. За бабушку – спасибо! Эта картина, что ли?

– Ага! Описание надо.

Ирина вздохнула. И куда деваться? Придется писать.

Вообще-то, такие задания она в школе любила. Ей нравилось рассматривать картины известных и не очень художников, придумывать каким словами можно описать свои чувства и размышления.

Картина, на которую показывал сын, была у Ирины одной из любимых. «Девятый вал»... Ирина вспомнила, как впервые увидела эту картину, когда ходила в музей с бабушкой. Они пришли тогда с экскурсионной группой, но десятилетняя Ира не пошла дальше зала, где висело это полотно.

Она так и застыла тогда, замороженная, ошеломленная. Люди шли мимо, иногда задевая ее, а она все стояла, замерев на одном месте и даже дышать почему-то боялась.

Что было в этой картине такого? Она не могла бы тогда сказать. Но Айвазовский так и остался после этого похода в музей ее любимым художником.

Бабушка, которая хватилась Иры только под конец экскурсии, забегала по залам, ища внучку, но когда нашла – ни слова ей не сказала. Встала рядом, разглядывая картину и спросила:

– Что чувствуешь?

– Страшно... И... хорошо... Почему так, бабуль? Ведь это странно?

– Ничего странного. Видишь эту волну? Она страшная, да. Но идет мимо. Люди останутся живы. Ты – молодец! Поняла самую суть.

Ира тогда буквально расцвела. Еще бы! Услышать от бабушки такую похвалу! Зинаида Михайловна была очень скупа на это. Обычно Ирина слышала что-то вроде:

– Ира, не сутулься! Ты похожа на рыболовный крючок!

Или:

– Ира, это опера, а не балет. Перестань отплясывать на стуле! Мне стыдно за тебя!

Ирина любила ходить с бабушкой по музеям и театрам. Ни в группе детского сада, ни позже, в школе, никто из ребят не бывал так часто в таких местах. А то, что бабушка делала ей замечания, так это даже хорошо. Зато столько всего они вместе видели!

Потом Ирина будет вспоминать все эти многочисленные «походы» с ностальгией. Не будь бабушки, она никогда не увидела бы так много. Какие ей теперь музеи и театры? Расходов много, ипотека, сын... Не до «культпоходов», как называла их Зинаида Михайловна. Конечно, Ирина старалась вытащить мужа в театр хоть изредка, но тот подобные развлечения не любил.

Отчаянно зевал, недовольно хмурился, а раз даже уснул, глядя как лихо перебирают ногами лебеди у волшебного пруда.

С тех пор Ирина оставила попытки приобщить мужа к прекрасному, и взялась за сына. Святослав ее интересы разделял, но в силу возраста и живости с трудом выносил подобные развлечения.

– Мам, я опять плохо себя вел?

– Сынок, ты сам все знаешь.

– Знаю, прости! Я сам не понимаю, почему так происходит...

Ирина на сына не сердилась. А после того, как он точно так же, как и она сама когда-то, застыл перед картиной Айвазовского в Русском музее, решила и вовсе не обращать внимание на то, что сын ведет себя иногда неважно. Замечание сделать – минутное дело, зато сколько ему достанется впечатлений.

Ира разгладила страницы учебника, лежавшего на коленях.

Девятый вал...

Странно...

Почему-то сейчас она вдруг подумала, что сама похожа на те маленькие фигурки на картине, которые отчаянно цепляются за обломки разбившегося корабля, надеясь, что их не унесет волной.

Это ведь про нее... Про ее жизнь в последние несколько лет. Волны накатывали одна за другой, и Ирина едва успевала с ними справляться.

Уход бабушки, родителей, нелады на работе, увольнение и страх, что лучше уже никогда не будет. Болезнь сына, с которой пришлось справляться практически в одиночку, ведь муж решил, что у него есть дела поважнее. Или она подумала, что он так решил... Конечно, карьера его была важна, ведь от этого зависело, не потеряют ли они свою квартиру, но как же не хватало Ирине тогда поддержки. Не физической, а моральной. Хотя бы одно слово, доброе, нежное... Хотя бы раз:

– Ир, ты такая умница! Как ты? Устала?

Не было этого всего. Ни разу.

Ладно! Сама виновата! Нечего было строить из себя железную леди! Все сама! Я справлюсь!

Вот и справилась... Сын поправился, а она сама словно заболела. Нервы ни к черту, постоянно плакать хочется. Кричит вот почему зря. Никогда такой не была.

Ира бросила взгляд на фотографии, висящие на стене.

Вот она – маленькая. Светлые кудряшки, широко распахнутые глаза. Святик похож на нее. Рядом фотография висит – не отличить. Одно лицо. И такой же ласковый, мягкий, как и она в детстве.

Ирина вздохнула. Куда что девается? Она давно уже не мягкая и не пушистая. Скорее на ежа теперь похожа. Колочки торчат во все стороны и хочется кричать в голос, каждый раз, когда слышит от мужа:

– Ира, не ори! Я думал, ты культурная женщина, а ты...

Культурная... Разве объяснишь кому-нибудь, что ей больше всего хочется быть именно такой. Интеллигентной, спокойной, выдержанной... Чтобы, не повышая голоса, уметь объяснить что угодно.

В какой момент она стала другой? Вот этой скандальной бабой, которая на любую проблему реагирует повышением голоса и нервом?

Ира передернула плечами. Когда мама болела? Или, когда она узнала, что у мужа кто-то есть? Подозрения так и не подтвердились, но много ли женщине надо? Сомнение – это тоже беда. Или, когда она поняла – что бы ни случилось в ее жизни, с этим придется справляться ей в одиночку?

Когда?!

– Ирочка, женщина не должна быть мегерой!

Рвущую на мелкие клочки свою тетрадь с детскими стихами Ирину бабушка застала в последний момент. Клочки уже кружились по комнате, разносимые сквозняком из открытого окна.

– Что ты творишь?

– Бабушка! Он сказал, что это бред!

– Кто он?

– Вадик!

– А он литературный критик? Великий поэт?

– Нет...

– Тогда, почему ты его слушаешь? Его мнение так для тебя важно?

– Не знаю... – Ирина растерянно замерла, теребя в руках остатки злополучной тетради.

– Девочка моя, когда тебе нравится мальчик, это вовсе не значит, что нужно сразу выворачивать перед ним наизнанку всю душу. А если уж это сделала – не жалея. К лучшему. Теперь ты знаешь, что для него то, что ты чувствуешь, пустой звук. А нужен тебе такой кавалер?

– Нет!

– Вот именно. Поэтому, иди умойся и будем обедать. Пятнадцать лет – прекрасный возраст. Люби, страдай, познавай жизнь, но не заплывай за буйки. У тебя все еще впереди. И сил может на все и не хватить.

Как же права была тогда бабушка...

Ира грустно улыбнулась, вспомнив, как утром нашла свою, растерзанную накануне, тетрадь. Клочки были аккуратно подклеены и собраны воедино заботливыми руками бабушки. Эту тетрадку Ира хранила до сих пор. Для нее она стала символом того, что те, кто тебя любит всегда постараются сделать так, чтобы твое сердце не плакало.

Буйки... Где она заплыла за свои? Не вспомнить сейчас. Она вообще плавать не очень любила. Странно даже. Море обожала, а плавать – нет. Лишь раз, сразу после окончания школы, она набралась храбрости и доплыла-таки до буйка, который оранжевой каплей маячил вдалеке.

Ирина вздрогнула, вспомнив, как свело тогда судорогой ногу и как она вскрикнула от боли, уйдя на мгновение с головой под воду. А потом долго висела на том самом буйке, вцепившись в него обеими руками и боясь отпустить. Ее будущий муж, с которым они тогда только что познакомились, едва уговорил Иру отпустить буюк, обещая, что поможет.

Он и помог. Доплыть до берега, прийти в себя. И больше не отходил ни на минуту в тот день. Может быть тогда Ира и решила, что вот он – тот, кто не бросит, поддержит, возьмет на себя ее страх? Как знать...

Только вот сейчас это все куда-то делось. И от мужа она теперь слышит только вот это вечное:

– Ира, не ори!

И ведь прав... Прав на все сто процентов! Какой смысл кричать, если тебя все равно никто не слышит? Не слышит, как плачешь, когда наваливается тоска от каждодневной рутины. Не слышит, как смеешься, когда случается что-то хорошее. Пусть редко, но оно же бывает!

И снова:

– Ира, не ори!

А ей хочется! Орать в голос и прыгать по бортику бассейна, размахивая руками от восторга, потому, что ее сын выиграл! Первые соревнования после перенесенной операции. И это значит, что теперь можно точно выдохнуть и немножко отпустить себя. И не просыпаться ночью, испуганно вздрагивая и прислушиваясь к тишине, царящей в квартире. Как он дышит? Не плачет ли во сне?

Почему так? Почему люди перестают слышать друг друга? Привычка мешает? Или что-то другое?

Ирина глянула на мужа, сидевшего рядом.

Вот... Человек... Которого она столько лет любила... Странно, что хочется говорить об этом в прошедшем времени. Ведь ничего не изменилось? Или же изменилось как раз все? Где ответ на этот вопрос? И почему он вдруг понадобился ей именно сейчас.

– Ты чего?

Недоуменный взгляд. Вопрос, словно нарисованный в воздухе жирно и четко, и повисший там. Снова.

Их там уже много, этих вопросов. Они похожи на черные кляксы, распластанные в пространстве. Ирина словно видит их все и разом. Свои, мужа, сына... И ни одного ответа. Почему? Неужели им совершенно все равно теперь, кто и что ответит?

– Ничего...

Вроде бы ответ, но совершенно безликий. Словно не было его вовсе. Как и всегда в последнее время.

Что-то тербит внутри, не давая покоя. Не молчи! Скажи все, о чем ты думаешь! Так будет лучше!

А лучше ли? Вдруг ее опять не услышат? Тогда что? Снова упреки, потому, что крик рвется наружу, выплескиваясь всей той болью, которая накопилась внутри.

Ирина откладывает в сторонку ручку.

Плевать!

– Святик! Иди сюда!

– Что, мам? – сын взъерошенный, уже полусонный.

– Собирайся!

– Куда? – такие густо-карие, как и у нее самой, глаза распахиваются от удивления.

– Мы едем в Питер.

Она встает с дивана, отбросив в сторону ненужный уже учебник и поймав растерянный и удивленный взгляд мужа.

– Когда? Зачем?

Два вопроса сливаются в один и ее мужчины смотрят на Ирину так, словно видят впервые.

– Потому, что мне нужна пауза. И потому, что лучше будет, если ты это сочинение напишешь сам. Без моей помощи. Вот посмотришь на картину, и напишешь. А я тоже посмотрю. И подумаю.

– О чем? – Святик начинает приплясывать на месте от нетерпения, и Ирина невольно улыбается. Совсем как она в детстве.

«Ирина, не танцуй на стуле!».

«Танцуй, сынок! От радости, от предвкушения! Сколько еще в твоей жизни будет всего... Запретов, ограничений, недопонимания. Танцуй! Пусть хотя бы сейчас тебе будет хорошо! Чтобы было потом, что вспомнить!»

– О своем, родной! Иди, собирайся! А я пока возьму билеты. Много вещей не бери. Мы на пару дней.

Ноутбук, молчание мужа...

Ну и пусть! Зато она снова войдет в тот самый зал и встанет на то самое место, откуда так хорошо видно рассвет над волной. И ей станет хорошо. Пусть ненадолго, но станет. А потом она решит, что делать дальше, потому, что время для этого точно уже пришло. Потому, что она больше не хочет слышать вот это:

– Ира, не ори!

Вагон, места... Хорошо еще, что билеты есть...

- Не два. Три.
- Теплые пальцы обхватят ее руку, двинут мышку чуть в сторону, и исправят будущее.
- Прости!
- Я же мегера...
- Зато, моя. Я тебя и такую люблю. И сбежать у тебя от меня не получится.
- А я не от тебя. Пока – нет.
- Тогда, от кого?
- От себя, наверное...
- Странная затея. От себя убежать невозможно. Разве ты не знала?
- Нет. Очень хочется.
- Не стоит. Мы все не пряники. С чего ты вдруг?
- Надоело. «Ира, не ори!»
- Понятно. Почему не сказала?
- Разве и так не ясно?
- Нет. Почему нельзя просто сказать, чего ты хочешь? Или не хочешь...
- Наверное, потому, что это так сложно. Страшно это.
- Боишься, что я не услышу?
- Боюсь.
- Ясно. Я виноват.
- В том, что я стала такой?
- Да. Ведь ты – часть меня.
- Та еще половинка.
- Не иронизируй. Ты – лучшая.
- Ага! Рассказывай! Горластая только больно.
- Потому, и горластая, что больно.
- Если ты все так хорошо понимаешь, то почему молчал?
- Ждал, когда ты поймешь себя. Глупый был. Надо было раньше...
- Надо было...
- Ир?
- Что?
- Еще не поздно?
- Тишина. Время. Прошрое. Настоящее. Будущее.
- Нет...

Дуся

– И конфеток мне дай, тех, с кислинкой, что ты в прошлый раз советовала. Вкусные! – Дуся вынула кошелек из сумки и нахмурилась. К кассе подошла ее заклятая подружка, Наталья.

– Дуська, а ты чего это? Какие тебе конфетки? Уже и так поперек себя шире! На диету садись, а то совсем в двери не войдешь!

Дуся на зубоскальство отвечать не стала. Молча собрав с прилавка покупки, она затолкала их в сумку и пошла к выходу.

– Ой! Гляньте на нее! Обиделась! – Наталья фыркнула, но все-таки сменила тон. – Вечером придут сериал-то смотреть, что ли? Мои оглоеды не дадут же! Да и футбол там сегодня вроде. Сашка с утра рыбу из гаража приволок. Вкусная, зараза. Хочешь, принесу посолоноваться?

Дуся, не оборачиваясь, кивнула и вышла из магазина. Ругаться она не любила, да и незачем было. Кроме Натальи подруг у нее не было. Рабочий поселок был маленький, все друг друга знали. И не просто знали, а вся жизнь была на виду, не скроешь ничего. Вот и Дусину историю скрыть не удалось. А когда шепотки пошли гулять закоулками, только Наталья ее и поддержала, что было странно. Ведь до этого Дуся с ней не зналась, а так только, здоровалась.

Дуся подняла лицо к небу и зажмурилась. Осеннее солнышко было еще совсем теплым. Сменив гнев на милость, оно уже не пекло, а ласково грело, обещая напоследок, перед холодной и ветреной зимой, что не спрячется навсегда, а вернется, как только придет время. Зимы Дуся не любила. Не любила холод и гололед. Ей, с ее комплекцией и умением стоять на ногах, было сложно. Хоть из дома не выходи. Но деваться-то было некуда. Нужно было работать. Да и не было рядом никого, кто мог бы помочь. Даже за хлебом сбегать и то было некому. Поэтому Дуся цепляла на обувь странную конструкцию, которая состояла из пары бельевых резинок и металлической гребенки, и шагала по утрам в неясных сумерках до родной проходной, стараясь держаться поближе к стенам домов. Это тоже было страшно, ведь крыши чистили не часто и сосульки висели гроздьями, то и дело срываясь, когда наступала быстрая, заполюшная оттепель. Но упасть для Дуси было страшнее. Она понимала, что поднять ее будет сложно, да и вряд ли кто кинется. Все спешат с утра, все торопятся.

Перехватив поудобнее не слишком тяжелую сумку, Дуся пошла по улице, рассеянно кивая тем, кто здоровался с ней. Таких было немного, но она давно перестала обращать на них внимание. К чему расстраиваться? У них своя жизнь, свои проблемы, а у нее – своя. И их жизнь Дуси не касается. Ей бы со своей управиться.

Стайка девчонок-старшекласниц пробежала навстречу, и Дуся вздохнула. Когда-то и она была вот такой. Быстроногой и легкой. Глазастой. С длинной, почти до колен косой. Мама не позволяла Дусе обрезать волосы, лишь чуть подравнивала их изредка, проводя натруженной рукой по золоту, рассыпавшемуся по плечам дочки.

– Богато как! Не то, что мои три пера. В отца у тебя кудри-то, Евдокия. Береги!

Да, тогда она была еще Евдокией. Строгой, ничего не знающей и, в этом незнании, сильной. Окончив школу в маленькой своей деревне, подалась в город, надеясь выучиться. Да только не поступила с первого раза. А возвращаться домой не стала. Там и без нее народа хватало. Евдокия была старшей из четверых. И мать, и отец всегда мечтали, что она «выйдет в люди», сможет жить в городе, имея семью и детей. Вот только ничего из их мечтаний не вышло. И винить кроме себя в этом Евдокии было некого. Сообрази она тогда съездить домой, посоветоваться с мамой, может и сложилось бы все по-другому. А так... Что получилось...

С Егором она познакомилась на танцах. Ох, уж эти танцы! Сколько подметок истоптали они с девушками на танцплощадке в парке! И откуда только силы брались, чтобы после смены бежать со всех ног домой, наводить «красоту», а потом отплясывать весь вечер? Дуся усмех-

нулась. Сейчас бы так! Ан, нет. Не та уже. До магазина и то дойти тяжело, а тут и вовсе оплошала бы. А тогда... Лучшей плясуньи было еще поискать! И Егор, один из лучших токарей на заводе, сразу приметил Евдокию. Большеглазая, стройная девушка с пышной косой вдруг запрыгала на одной ножке, смеясь, а потом скинула туфельку и показала подружке:

– Смотри! Опять!

Не думая, что делает, он подошел тогда к Евдокии, подхватил ее на руки на глазах у всех и на испуганный вскрик только улыбнулся:

– Такую как ты на руках носить надо! А это – не волнуйся! Починим!

Евдокия замерла в его руках, глядя прямо в глаза незваному кавалеру, а потом уперлась в грудь Егора ладошками:

– Пусти!

Скромность ее Егор оценил и ухаживать решил, как положено. Только, хватило его ненадолго. Родителей, которые направили бы его, подсказали, как надо, у парня уже не было. Он жил сам-себе, прислоняясь то к одной, то к другой компании. Где-то ему были рады, откуда-то гнали взашей, но он не унывал, пытаясь найти себе тех, кто стал бы близкими людьми, с которыми можно идти по жизни, не боясь невзгод. Но то ли чувствовали люди какую-то червоточину в Егоре, то ли не хотели дело иметь с незнакомцем, а только все не складывалось у него с друзьями. И как назло, в то время, когда он познакомился с Евдокией, те, кто был с ним рядом, не отличались ни умом, ни сердцем.

– Что ты вокруг нее ходишь? Не знаешь, как девку уломать, что ли? Действуй!

Евдокия на тот момент влюбилась в Егора уже по самую макушку. Даже уши остались за той чертой, когда голова еще включается, а совесть, шагнуть туда, откуда возврата уже не будет, не дает. На уверения милого Евдокия отнекивалась недолго. Верила... А только, зря, как оказалось. Вся любовь их с Егором закончилась сразу, как только она сказала ему, что ждет ребенка. Те же «друзья», что и прежде, подняли, ошалевшего от неожиданности, Егора на смех:

– Мало ли, от кого нагуляла! Ну ты и лопух, Егорушка! Нельзя же таким доверчивым быть!

Все, что он тогда сказал ей, Евдокия выслушала спокойно, без воплей и слез. Молча кивнула, легонько толкнула ладонью в грудь, заставив шагнуть за порог и закрыла перед носом дверь. А потом, дождавшись, пока шаги Егора по гулкому длинному коридору общаги стихнут, села на табурет у маленького столика, где еще лежали ее тетрадки и учебники, и завывала. Плачем это назвать было сложно. Это был уже солидный такой, прорезавшийся, бабий вой, который появляется только тогда, когда понимает женщина, что выхода нет, а идти дальше все равно придется.

С того дня Евдокия стала Дуськой. Слухи по поселку разлетелись вмиг. Кто-то стыдил Егора, кто-то ее. И только Наташка, с которой Дуся никогда прежде не общалась толком, пришла как-то вечером к ней, поставила на стол литровую банку с медом:

– От бати моего. Пасека у родителей своя.

А потом оглядела комнату, покачала головой, и сказала:

– Не реви, дурочка! Теперь не одна будешь. А на чужие языки внимания не обращай. Потреплют тебя, обмусолят и выплюнут, когда найдется другая такая. Надолго никаких сплетен не хватает.

Дуся потом не раз думала, что не будь рядом Наташки, она не выдержала бы всего того, что случилось после. Именно Наташка держала ее, не жалея и не давая раскиснуть. Ругала, заставляла что-то делать и не спускала с нее глаз. Это позже уже Дуся узнала, что делала это все Наталья не просто так.

– За сестру грехи замаливаю. Такая же была, как и ты. Глупая. Нагуляла, а потом не вывезла. Будь я рядом – может и уберегла бы ее. А я любила со своим Сашкой... Не до того мне было.

– Что случилось с ней?

– Ничего хорошего. Не спрашивай! Не хочу об этом! Одно могу сказать, сестры у меня больше нет, а есть хороший памятник, который мы с Сашкой поставили ей... И фотографию тоже нашли хорошую. Она там молодая и красивая. Такая, как была... До всего...

Дуся спрашивать больше ничего и не стала. И так все понятно было. Но прятаться от Наташки перестала и не обращала больше внимания на ее резкие слова и подначки.

Ребенка Дуся потеряла на пятом месяце. Очнувшись в больнице, не сразу поняла, что случилось. Последнее, что помнила, был цех, где работала, и испуганные глаза напарницы:

– Дуся! Ты что? Плохо тебе?

Врачи хмурились, отказывались разговаривать с ней, а на все вопросы отвечали коротко:

– Время покажет.

Время и показало. Узнав, что детей у нее больше не будет, Дуся молча вышла из кабинета заведующего отделением и пошла прямо по коридору. Дойдя до окна, она задергала створку, злясь и ломая ногти.

– Не старайся, милая, не надо! Давно уж заколочено. Не одна ты тут такая.

Санитарка, которая мыла полы, швырнула в ведро тряпку, вытерла наскоро руки об халатик, а потом обняла Дусю, крепко прижав ее к себе.

– Ты поплачь, девонька, легче станет. А потом уж подумаешь, как тебе дальше. Мать-то есть у тебя?

Дуся молча кивнула, чувствуя, как уходит темнота перед глазами от этих мокрых, крепких рук, так похожих на мамины.

– Вот и беги к ней! Шибко беги! Только она тебя спрячет да пожалеет. Поняла меня?

Дуся ничего не ответила. Как ехать к родителям после такого? Как на глаза-то показаться?

К родным она так и не собралась. Пересидела, перегорела все сама. Наташка крутилась рядом, но больше не ругалась, а только молча наблюдала. И, когда Дуся вышла на работу, отлежав положенное в больнице, а потом дома, только и сказала:

– Уехал он. Насовсем. Может, хоть так тебе полегче будет.

Легче не стало. Дуся под корень обрезала свою косу, оставив ее в парикмахерской, за что получила нагоняй от Натальи, подняла голову повыше и перестала реагировать на всякие замечания в свой адрес. Сплетники упоенно чесали языки до того момента, как один из старых приятелей Егора не решился зайти «на огонек» к Дусе. Хрупкая, лишь чуть набравшая на то время вес, Евдокия, отлупила его так, что даже бывалые врачи ахнули, а завод замолчал. Если другому не дала, значит не гулящая. Так рассуждали те, кто еще вчера потешался над Евдокией. Посрамленный «кавалер» к происшедшему отнесся с обидой, но в отделении, куда он пришел писать заявление на Дусю, его подняли на смех и долго потешались, пока он не плюнул на пол и обиженно не сказал:

– Все беды от баб! Вот попадете вы в такой переплет – я на вас посмотрю! Мужик мужика понимать должен!

Дружный смех стал ему ответом, и «героя» проводили под аккомпанемент громко и четко сказанного:

– Иди уже! Надо же! Мужиком еще называться вздумал! Девку тронешь – получишь еще!

Дуся всего этого не знала. У нее и своих забот хватало. Здоровье разладилось, и, как ни старались врачи привести в норму Евдокию, им это не удалось. Она располнела, маялась давлением, но никому не жаловалась. Даже Наташке.

Спустя пару лет ей дали квартиру от завода. Она потеряла тогда дар речи от нежданно свалившейся на ее голову удачи. Ходила по крошечной «гостинке» и не могла наглядеться на свое нехитрое счастье. Наконец-то не придется больше слушать охи-ахи соседок, вникать в их жизнь, чтобы не обидеть, и выслушивать:

– Не стыдно тебе, Дуська! Как чужая!

А они и были для нее чужими. И никого она рядом не хотела. Хотела жить спокойно, не давая отчета никому, не пряча глаз и не сжимая зубы, чтобы не закричать, в ответ на набившие оскомину вопросы:

– Появился у тебя кто, али как? Всю жизнь будешь по своему Егору сохнуть? Он про тебя и думать забыл, а ты все горюешь!

Горевать по нему Дуся и не думала. Обида была глубокой и горькой. Останься у нее ребенок – может и простила бы она непутевого своего «жениха», а так... Даже думать о нем не хотела. С годами страсти улеглись, образ Егора померк, а, когда Дуся узнала, что он погиб, сорвавшись на стройке, где работал, с высоты, то в сердце шевельнулось и что-то вроде жалости. Семьи он так и не нажил, ничего хорошего, как поняла Дуся, тоже не видал. Так что уж теперь... Нет человека... И обиды больше нет.

Она успокоилась. Собравшись с деньгами, купила большой цветной телевизор, чуть не первый в поселке, и зажила так, как хотела. Ни перед кем не отчитываясь и вообще мало кого рядом с собой замечая. Проводив одного за другим родителей, она изредка выбиралась в гости к родне, но с годами стала это делать все реже и реже, не желая покидать насиженного места и довольствуясь тем, что имела.

Дуся кивнула соседкам, сидящим на лавочке у подъезда, и поднялась по ступеням. В подъезде опять не горели лампочки, пахло котами и затхлостью. Дуся вздохнула, нашарила в кармане плаща фонарик, и пошла вверх по ступенькам. Путь этот был ей знаком и очень она его не любила. Дом был построен странно, какими-то непутевыми лабиринтами и закоулками. Лифт вечно не работал, хотя именно им, первым в поселке, так гордились когда-то на заводе. Подниматься приходилось по темной лестнице, где никогда не было света, сколько ни ругались друг с другом соседи. Лампочки кто-то выкручивал и все давно привыкли носить с собой фонарики, потому что ноги переломать не хотелось совершенно.

Дуся с трудом одолела предпоследний пролет и готова была уже обрадоваться тому, что вот-вот окажется дома, как узкий луч фонарика выхватил из темноты что-то непонятное в углу. Евдокия чуть не оступилась, в последний момент ухватившись за перила и прохрипела испуганно:

– Ты кто?

Темный куль вдруг развернулся и на Дусю глянули два внимательных глаза.

– Я.

– А кто я-то? – Дуся справилась со страхом и уже спокойно шагнула ближе.

Мальчишка был щуплый, маленький и, вроде как, незнакомый.

– Я – Иван.

– А что ты здесь делаешь, Иван? Почему сидишь на холодном полу в подъезде? Чего не дома?

Дуся повела фонариком в сторону мальчишки и ахнула. Большой синяк, который наливался под глазом Ивана, был самым безобидным из того, что она увидела.

– Кто тебя так? – голос не слушался ее.

– Никто! – Ваня жмурился, пытаясь увернуться от света.

– Сам ударился?

– Да!

– Заливаешь! – Дуся поставила сумку на пол. – Ну-ка, покажись!

– Еще чего!

Мальчишка вдруг ощерился, совсем как зверек, вжался в угол, и выставил перед собой кулачки. Дуся удивленно глянула на него, а потом засмеялась. Большое тело ее колыхнулось, когда она сложила руки перед собой, пытаясь заставить себя не тронуть мальчишку, не прижать к себе, спрятав от всех и вся.

– Ты на меня –то посмотри! Разве я тебя обижу? Да и спрашивать больше не буду ни о чем. Захочешь – сам расскажешь. Где живешь ты? Может домой отвести?

– Не надо!

Ваня, выкрикнув это, как-то сжался, пытаясь спрятаться от безжалостного света фонарика, присел на корточки, и уткнулся лицом в колени.

– Нельзя мне туда.

– Почему?

– Папка... Получка сегодня...

Дуся замерла, услышав, сколько боли прозвучало в голосе Вани. Она растерянно смотрела на мальчика, пытаясь понять, что делать дальше.

– Вань... Ваня! Посмотри на меня!

Мальчик медленно поднял голову, пряча глаза.

– Ко мне пойдешь? Я одна живу. У меня тут бублики свежие и конфеты есть. Чаю хочешь?

Мальчишка молчал. Дуся не знала, что еще сказать и поэтому молчала, ожидая ответа.

А услышав тихое:

– Хочу... – выдохнула и поманила мальчика за собой.

– Идем!

Дома она быстро поставила чайник, а потом загнала Ваню в ванную и долго, чтобы не сделать больше, обрабатывала все ранки и ссадины, которые обильно усеивали лицо и руки мальчика.

– Как это ты так?

– Стекло в двери кухонной выбил. Ай!

– Потерпи! Я дую! – Дуся водила смазанной йодом ваткой по лицу мальчика.

– Щиплет же!

Мальчишка так смешно морщился, что Дуся прятала улыбку, глядя на него, но больше всего ей хотелось сейчас все-таки плакать. Как можно так обращаться с ребенком? Господи, был бы у нее сын... Нет! Нельзя об этом! Ни к чему сейчас!

Отставив пузырек с йодом, Дуся спросила:

– А мамка-то есть у тебя?

Ваня нахмурился, а потом замотал головой, болезненно охнув.

– Нет. Нету. Сбежала. Батя суров больно. Особенно, когда выпьет.

– И часто такое бывает?

– После получки всегда аккурат.

– А как же мамка тебя оставила с ним? Не забрала?

Ваня поднял на Дусю глаза, и та поразились, сколько боли было в этом маленьком пока еще человеке.

– А куда ей? С прицепом? Самой бы справиться.

– Вань, не надо так. Она же мама твоя.

– Я знаю. Только... Бросила же. Знала, что он будет меня бить и все равно – бросила.

И меня, и Машку.

Дуся напряглась, стараясь не спугнуть откровенность Вани.

– А Маша – это кто, Ванечка?

– Сестра моя.

Дуся отвернулась и закрыла глаза на секунду, потому, что голова закружилась и темнота немилосердно навалилась, грозя прервать разговор, который стал настолько важным и нужным, что, казалось, прервись он сейчас, и все... закончится сама жизнь.

– Сколько ей? – Дуся взяла-таки себя в руки.

– Шесть лет. На следующий год в школу пойдет.

– А ее... Отец тоже...

– Нет. Ее он не трогает. Пока... – Ваня отвернулся от зеркала, в котором разглядывал свою разрисованную йодом физиономию. – Говорит – мала еще. Потом воспитывать будет.

Дуся собрала грязные комочки ваты, выбросила их и, вымыв руки, спросила:

– Вы ведь недавно переехали? Я тебя не видала раньше.

– Да. Раньше в Омске жили. А теперь тут. Отец на завод устроился.

– Понятно... – Дуся с сомнением глянула на грязную рубашку Вани, но решила, что это подождет. – Пойдем чай пить? Или ты есть хочешь?

Ваня потупился было, размышляя о чем-то, а потом поднял глаза и сказал уже твердо:

– Хочу!

Наталья, которая пришла позже, удивленно глянула на уплетающего жареную картошку мальчика, но промолчала, решив отложить расспросы на потом. Она молча нарезала соленого леща, разложила самые лучшие кусочки на газете перед Ваней и скомандовала:

– Приступай!

А потом поманила за собой Дусю, видя, что мальчишке уже не до их разговоров.

– Ты где его взяла?

– На лестнице.

– А почему он такой... Кто его?

– Отец. Наташка, что делать? Домой его отпускать боюсь. Мало ли. А там еще девочка, сестренка Ванина. Куда все смотрят?

– А то ты не знаешь! – Наталья невесело усмехнулась. – Под нос себе! Нет же тут ничего интересного. Ну, живут, ну лупит их батя, так что? Лучше в детдом, что ли? Никто не будет вмешиваться, Дуся. Никому это не надо. Со своими бы управиться.

Дуся покачала головой:

– Нельзя так! Неправильно это!

– А кому решать? Тебе? Или мне? Что мы можем, Дусенька? Всех не спасешь, не пригреешь. Да и здоровья у тебя нету. Кто тебе детей-то отдаст?

Они спорили долго, до хрипоты, чуть не разругавшись окончательно. Но как только в дверях появился, наевшийся до отвала впервые за долгое время, Ваня, сонно моргающий и готовый приткнуться где угодно, чтобы заснуть уже наконец, Дуся с Натальей замолчали и, глянув друг на друга, разом кивнули.

– Я быстро. – Наталья убежала домой, но когда вернулась с чистой рубашкой старшего сына, Ваня уже спал, уткнувшись носом в диванные подушки и не дождавшись, пока Дуся постелет ему.

– А где ты спать будешь? – Наталья смотрела, как Дуся стягивает дырявые носки с Вани и укрывает его вязанным покрывалом.

– А вон, в кресле подремлю. Ты мне лучше скажи, Наташка, что делать-то теперь? Я адреса его не знаю. Он не сказал. А отцу-то сообщить надо. Спыхватится за ребенком, где искать будет?

– А он спыхватится? – Наталья скептически поморщилась и покачала головой. – Не думаю. До утра так точно не до того ему будет, если я правильно поняла. Бутылка есть, сын воспитан – чего еще? Можно отдыхать. Завтра выходной, поэтому вряд ли ему до мальчишки будет. Давай участкового вызовем? Пусть сам с ними разбирается.

Дуся посмотрела на Ваню, раздумывая, а потом все-таки мотнула головой:

– Нет. Как бы хуже не было.

Они долго еще говорили, пытаясь решить, как быть дальше, а потом Наталья ушла, и Дуся вернулась в комнату, где постанывал, борясь с какими-то кошмарами, во сне Ваня. Она немного постояла рядом, наблюдая за ним, а потом нагнулась и, сама не зная зачем, подула легонько на макушку мальчика. Ваня глубоко вздохнул, поворачиваясь на другой бок, и затих. А Дуся, постояв еще немного рядом, села в кресло, накинула на ноги шаль и задумалась.

Задача была сложной, а решение все не находилось, и она незаметно задремала, так и не решив, что же делать дальше.

Утром, накормив Ваню завтраком, она спросила:

– Домой-то пойдешь или как?

Ваня, осторожно поставив чашку с какао на стол, вскинул на нее глаза, раздумывая, а потом спросил:

– А можно, я еще приду?

– Конечно. В любое время.

– А... можно...

– Машу привести хочешь?

Ваня смотрел на нее так, что Дуся невольно поежилась.

– Приводи! Мог бы и не спрашивать.

С этого дня жизнь Дуси полностью изменилась. Теперь она не ходила, а летала, несмотря на свой немалый вес, который к слову стал постепенно, пусть и медленно, таять. У нее появились дети... Да, они были не свои и прав на них она никаких не имела, но они были. И ей стало вдруг так хорошо, как не было никогда с тех самых пор, как Егор, усмехнувшись ей в лицо, сказал:

– Уверена? А если не мой? Чужого растить не буду!

Ваня и Маша стали ей не чужими. Она обстирала и отмыла ребяташек. Накупила одежды и справила обувку. Отец ребят ничего этого не заметил. Он жил какой-то своей жизнью, совершенно не заботясь о том, где пропадают его дети. Сестру и раньше в садик водил Ваня, поэтому мужчина не удивлялся, просыпаясь утром и не видя детей рядом. Изредка они возвращались домой, стараясь сделать это в те дни, когда отец был трезв. Ваня караулил его у проходной и шел за отцом до самого дома, наблюдая. Если тот никуда не сворачивал – можно было идти домой. А если заходил по дороге в магазин, то лучше было и не появляться вовсе. В такие дни дети оставались ночевать у Дуси. Она купила два хороших раскладных кресла и теперь в маленькой комнатке было совсем не повернуться. Но теснота эта им совершенно не мешала.

Степан, отец Вани и Маши, о существовании Дуси узнал пару месяцев спустя после того, как она нашла мальчика в своем подъезде. Открылось все случайно. В тот день Маше стало плохо в садике, и, раньше, чем Степан успел добежать до него, скорая уже увезла девочку в больницу. Пытаясь узнать, что с дочкой, Степан совершенно не обратил сначала внимания на полноватую женщину, которая, появившись в коридоре приемного покоя, кинулась к стойке регистратуры. Только когда Ваня, не думая уже ни о чем, дернул Дусю за рукав и, зарывшись носом в ее вязаную кофту, прошептал:

– Она же поправится? Дусь, скажи! С ней все будет хорошо?

Степан удивленно моргнул, а потом поманил к себе сына и строго спросил:

– Это кто?

Ваня заметался было, не зная, как объяснить отцу появление Дуси, а потом вдруг успокоился, когда увидел, как та смотрит, и сказал:

– Дуся это. Она... наша. Заботилась о нас, пока ты...

– Пока я что? – голос Степана не сулил ничего хорошего и Дуся шагнула ближе, взяла за плечо Ваню, и заставив его сделать пару шагов назад, загородила собой мальчика.

– Пока ты пил, да искал об кого кулаки почесать.

Ее ответ прозвучал так спокойно и веско, что Степан растерялся.

– А ты кто такая? Нет! Я тебя спрашиваю, ты кто такая, а?

– Евдокия Семеновна Рябцева. Твой кошмар ночной буду, если сейчас не угомонишься. У тебя дите оперируют, а ты тут права качать вздумал? Отец ты или кто? Иди к врачу, вон стоит, видишь? И постарайся узнать, что да как. Мне ничего не скажут. Я ей не мать, к сожалению.

То ли приказ Дуси прозвучал настолько властно, что Степан испугался, то ли остатки его совести все-таки проснулись от долгой спячки, но он почему-то послушался. Узнав все о дочке, он вернулся к Дусе с Ваней и сказал:

– Прооперировали. Аппендицит. Все хорошо. Сказали завтра вещи привезти ей и поесть домашнего.

– А что можно, сказали?

– Я не спросил.

– Ладно, это я сама. И вещи тоже привезу.

– Где возьмешь?

– Эх ты... папа... – Дуся покачала головой. – Твои дети у меня живут. Ты и не заметил, что они чистые ходят, а дома почти не ночуют. Совсем тебе гулянки твои глаза застили.

– Что ты обо мне знаешь?!

Степан поднялся было, но совершенно ледяное Дусино:

– Сядь! – мигом вернуло его на место. – Не знаю я о тебе и знать ничего не хочу. Неинтересно. Но то, что встретились мы, это хорошо. Сама уж думала, что надо бы поговорить с тобой, если еще не совсем мозги ты пропил.

– Ты это...

– Я то! Слушай молча, потом будешь умные мысли свои вставлять. – Дуся открыла сумку и вынула оттуда целую пачку каких-то бумаг и справок. – Видал? Все собрала, что мне в опеке сказали. Готово уж все. Были твои дети – станут мои.

– Да я тебя! – Степан почувствовал, как запульсировало в затылке и висках. Ярость накатила волной, грозя выплеснуться наружу.

– Ничего ты мне не сделаешь! – Дуся так же спокойно уложила документы в сумку и кивнула Ване. – Погуляй пока. Мне с отцом твоим серьезно поговорить надо.

Ваня дернулся было испуганно, но внимательно посмотрев на Дусю, вдруг перестал бояться. Он медленно кивнул и пошел к дверям, которые вели из приемного отделения в больничный парк.

О чем Дуся говорила со Степаном, для него так и осталось загадкой. Он лишь видел через панорамное окно приемного отделения, как отец несколько раз вскакивал, замахиваясь на эту женщину, но та ни разу не уклонилась, не опустила глаз, прямо глядя на этого странного, почти спившегося мужчину. Ей нечего было больше бояться в этой жизни. Все страшное с ней уже случилось. И сейчас она отстаивала не только будущее Вани и Маши, но и свою жизнь. Ту, которой просто не будет, если она опустит сейчас взгляд, испугавшись занесенного над ней кулака.

А почти через год Маша возьмет из рук Дуси пышный букет и зашагает вслед за другими ребятами на свое место перед первой в своей жизни школьной линейкой. И Дуся махнет ей рукой, пристроившись так, чтобы девочка ее видела. А потом, не оборачиваясь, скажет:

– Пришел-таки? Ну, погляди, какая она у тебя красавица! Только подходить не вздумай! Ни к чему это. В порядок себя приведешь окончательно, тогда можно будет.

Степан, пряча глаза и одергивая выдавший виды пиджак, молча кивнет, отыскивая взглядом дочку. А, когда дети зайдут в школу и Дуся заторопится к выходу из школьного двора, чтобы успеть на работу, он тихо скажет, так и не решившись поднять глаза на эту женщину:

– Спасибо...

Дуся молча кивнет на ходу и зашагает быстрее. У нее слишком много дел, чтобы терять теперь время попусту. Дети, дом, да мало ли чего еще...

Осеннее солнце снова коснется ласково ее лица, как год назад, и она улыбнется, приветствуя новый день. День, в котором есть, для чего жить.

Единственная моя

– Иваныч! – Пелагея совсем запыхалась и от этого крик получился не крик, а так, полупшепот. Она немного отдышалась и закричала громче. – Мишаааа! Да, где ж ты есть-то?!

– Что? Что ты кричишь, Поля? – из-за недостроенной новой бани показался Михаил Иванович, местный егерь и сосед Пелагеи.

– Беда, Миша! Выручай!

– Да, что случилось-то?

– Пойдем, по дороге расскажу! Григорий опять там лютует.

Михаил вздохнул и махнул Пелагее на калитку. Догоню, мол. Он быстро сполоснул руки и накинул на плечи куртку. Осень была в этом году ранняя, ночью уже и подмораживало. Граф запрыгал вокруг, пытаясь поставить лапы на плечи хозяину, заглядывая в глаза, но Михаил шуганул лайку и примкнул поплотнее калитку, чтобы собака не выскочила следом, а то ищи его потом.

Пелагея уже маячила почти в конце улицы, и он прибавил шагу. Непонятно, чем там все сегодня обернется, надо поспешать, а то ведь, неровен час, Григорий по этому делу натворит непоправимого.

Крики слышны были еще за несколько домов и Михаил понял, что дело в этот раз посерьезнее, чем обычно. Кричала Марья, ревели на разные голоса детишки.

– Всю жизнь ты мне переломила! Если мне не жить, то и ты не будешь...

Михаил успел как раз вовремя, чтобы перехватить руку Григория с молотком, который уже готов был опуститься на голову Марии.

– Ты, что творишь! – голос Михаила загремел так, что Григорий присел от неожиданности.

Сам немаленького роста и комплекции, он совершенно потерялся рядом с могучим Михаилом Ивановичем, которого за спиной в деревне называли «Косолапый». С ногами у него все было в порядке, просто его могучее сложение и огромный рост, невольно наводили на мысли о хозяине леса.

– Иваныч! Не лезь! Не могу больше! Мочи нет жить так!

– Как так? Ты просохни, потом охать будешь! Смотри, детей всех понапугал, изревелись просто!

Григорий осел на землю и застонал, завсхлипывал:

– Она столько лет меня обманывала, может и дети не мои вовсе...

Михаил сжал сильнее руку Григория и отобрал молоток, зашвырнув его подальше в кусты малины. Потом повернулся и глянул на Машу, которая стояла у забора, слегка покачиваясь и глядя в одну точку, обнимая одной рукой старшего сына, а другой проводя машинально по волосам, пытаясь поправить несуществующий платок.

– Маша, Машенька! – почти ласково позвал Михаил.

– А? – Маша перевела взгляд на него и как будто очнулась. – Ты что-то спросил, Иваныч?

– Ты как?

– Ничего, я, ничего... Дышать только больно, он меня о косяк...

– Дарья приходила? – нахмурился Михаил, глянув на понурившегося Григория.

– Да...

– Снова-здорова... Предупреждал ведь ее! – Михаил сжал кулаки, но потом опомнился и подхватил на руки младшего сына Григория и Марии. – Привет, Алексей Григорыч! Напугался?

– Дааа... – все еще всхлипывая отозвался трехлетний Леша.

– Ну, все уже, не реви. Папка успокоился, мамка твоя в порядке. Сегодня уж не будут ругаться. Так? – он грозно сдвинул брови, глядя на Григория, который только устало кивнул. – Видал? Смотри, что у меня есть! – Михаил запустил руку в карман и выудил оттуда горсть конфет-леденцов.

Чумазая мордашка Лешки расцвела улыбкой и он, двумя руками сгреб конфеты и закричал сестрам:

– Натя! У меня много!

Михаил улыбнулся и спустил на землю мальчика, который тут же кинулся к сестренкам, протягивая им не так часто виденное лакомство. Только старший, восьмилетний Паша не двинулся с места, продолжая стоять рядом с матерью и поглаживая ее по руке, чтобы успокоилась.

– Идите в дом, там и поделитесь. – Михаил выпроводил ребятшек и повернулся к забору. – Цирк окончен, шуруйте по домам. Нечего глазеть! Ни стыда, ни совести! Почему не остановили?

– Иваныч, ну ты это... Не очень-то! Гришка же как заведется – бешеный. Не хватало еще под раздачу попасть.

– А глазеть, как он жену гоняет – самое оно, да? – Михаил сдвинул брови, и соседи живо ретировались, зная его суровый характер.

Он постоял минуту, подождя, пока они разойдутся и рывком поставил на ноги Григория.

– Угомонился? – дождавшись ответного кивка, он продолжил. – Ну, слушай теперь меня. Что тебе Дарья плетет – забудь! Не от большого ума она это делает и с плохой целью. Ей деньги твои нужны, которые ты на семью тратишь. Понял? Пока ты с Машей не жил, сестру холили и лелеял, а теперь ведь не даешь ей почти ничего? – Григорий помотал отрицательно головой. – Вот, то-то! Осмысли. А то выдумал, бабу слушать, да под ее диктовку жизнь свою ломать! И еще вот что. Дети твои все. Я тебя маленького, как облупленного помню. С горшка перед глазами бегал. Каждого из твоих точно так же вижу. Нет на деревне больше похожих на отца детей, понял? Хочешь, в город можно поехать, пробу или как там оно называется, тест, что ли, сделать. Да только это денег больших стоит и совсем надобности в этом нет.

Григорий притих, вслушиваясь с слова Михаила, которые падали как бальзам на душу, после всего того, что наговорила ему опять сестра.

– Дарья Машу твою всегда терпеть не могла. Вот и пакостит по-бабьи. Только не понимает того, что пакостит ей, а сядешь ты. Сядешь, Гриша, я тебе точно говорю. И если еще хоть раз Машку пальцем тронешь – я сам этим займусь. И заявление ей забрать уж не позволю. Понял? И Петрович меня послушает, ты знаешь. Он от вас так уже устал, что готов из участковых увольняться уже. Так что сильно рад будет, если ты ему повод дашь тебя упрятать.

– Что делать-то, Иваныч? – Григорий опустил голову, не решаясь глянуть в сторону жены.

– Живи как человек, а не как скотина бессмысленная. Цени, что имеешь, ведь потерять все сегодня мог. И жену, и детей, которых в детдом бы мигом отправили. Что смотришь? Знаешь же, что правду говорю. Где брал сегодня? Что пили?

– У Спиридоновны...

– Разберемся. И вот еще что, Гриша. Дарью больше не пускай во двор. Если сама не одумается, на нее тоже управу найдем. Но ты ей должен укороту дать, а не кто-то. Хватит уже ей над твоей семьей, да над тобой измываться. Понял?

– Понять-то понял, да только сестра ж она мне.

– Это хорошо, что мамка ваша, Царствие ей Небесное, вас так воспитала, что вы родню помните. Только ты подумай, сестра-то твоя, как родная себя ведет? То-то же! Вот пока не одумается – не пускай, а там видно будет.

– Спасибо тебе, Иваныч...

Михаил только махнул рукой и, глянув на Машу, которая подбирала разбросанные по двору поленья, которыми швырял в нее Григорий, пошел в калитке.

Пелагея глянула на своего соседа и друга детства и спросила:

– Утомонились?

– Да. Пока. Вовремя ты прибежала. Надо что-то с Дашкой делать, ведь не успокоится. Пойду, наверное, побеседую с ней.

– Погоди, Иваныч, тут дело посерьезнее есть. А с Дарьей, мы сами, бабами разберемся. Предупреждали ее уж, да только не поняла, видать, она. Ничего, теперь поймет. А нет, так разговаривай тогда уж сам, тебя-то она точно послушает.

– Какое дело? – Михаил заглянул в глаза Поли и как будто встала перед ним снова она молодая. Тоненькая, с русой косой толщиной в руку, красивая такая, что плыть начинало в глазах и мутнело в голове, когда смотрел на нее.

С Пелагеей познакомились они, когда родители ее переехали из соседнего района. В восьмой класс она пришла новенькой, но уже через несколько дней настолько освоилась, как будто там и была всегда. Легкая на подъем, общительная, отчаянная хохотушка, Поля сразу в любой компании становилась своей. И только с Мишей, с первого же взгляда, она вела себя скованно, стесняясь сказать лишнее слово или поднять на него глаза.

– Что, Польша, втюрилась? – посмеивались над ней девчата.

– Да, ну вас! Придумаете! – краснела и отмахивалась она.

И только перед самым выпускным Миша, наконец, осмелев, вызвался проводить ее до дома и в своей прямолинейной манере, которая так и осталась у него на всю жизнь, из-за чего не раз ему доставалось, но за что его и крепко уважали, спросил Полю:

– Пойдешь за меня? Школу окончу, в армию схожу, а потом и поженимся?

Поля вскинула на него тогда свои темно-голубые, как васильки на поле, глаза и тихонько спросила:

– А ты что про меня думаешь?

– Люблю я тебя! – так же спокойно сказал Михаил, не пряча глаз и открыто признаваясь сейчас в том, что для него еще пару месяцев назад было чем-то запретным, на семь замков запертым, но передуманным за это время, со всех сторон осмотренным и принятым, как единственно правильное в жизни.

Поля только улыбнулась в ответ и тихонько кивнула.

Родители сладили между собой быстро, да только все планы порушены были в миг, когда Михаил растерянно объявил родителям, что служить он будет в Афганистане. Прощаясь с родными, он обнял Полю, и шепнул ей:

– Если вдруг скажут, что нет меня – не верь. Дождись! Вернусь я, обязательно вернусь!

И она ждала. Даже после извещения, даже после того, как Галина, мать Михаила отголосила по нему и запретила кому-то вспоминать имя сына в доме, кроме как по поминальным дням, а после, надев черный платок, не снимала уже его до самого своего ухода... Поля все равно ждала, отказываясь верить, что Миши больше нет.

Мать уговаривала ее не тратить жизнь попусту и оглянуться по сторонам, ведь сколько времени прошло. Да только Полина и слышать ничего не хотела. И Матвея, который столько времени ждал, пока она одумается и обратит внимание на него, она в упор видеть не хотела. И только после того, как к родителям Михаила приехал его сослуживец и рассказал, что лично видел, как его и еще несколько сослуживцев окружили и выбраться там не было никакой возможности... Как слышал взрыв, который, по всей видимости, и положил конец всем этим ребятам... Как потом не нашли они на этом месте почти ничего, кроме обгоревших обрывков одежды и стреляных гильз... Только после этого Поля тоже надела траур и не собиралась снимать его, пока мать не слегла, и в последние свои дни не взяла с нее страшную клятву, буквально вынудив пообещать, что выйдет она замуж за Матвея или за кого сама захочет... Но станет женой и родит детей, чтобы не пресекся их род, в котором Поля была последней веточкой.

Обещание свое, данное маме, Пелагея выполнила. И не было свадьбы печальнее в деревне ни до, ни после этого. Бледная как полотно невеста, которая отказавшись от фаты стояла с непокрытой головой в ЗАГСе и только после того, как Матвей сжал ее руку и шепнул, что надо ответить регистратору, сдавленно сказала то самое «да».

Михаил вернулся спустя полгода. Никогда и никому он не рассказывал, что пришлось ему пережить в плену, куда он попал, и как его оттуда вызволяли.

Увидев его у своей калитки, беременная уже на тот момент Поля, задыхнулась, мигом забыв все слова, которые узнала за свою недолгую пока жизнь, потеряла сознание и ее в срочном порядке увезли в город на сохранение. Пока она лежала в больнице, первый шок прошел и выстроив для себя линию поведения, Поля вернулась домой уже спокойно. С Михаилом только здоровалась, встретив на улице, а пройдя мимо, закусывала каждый раз губу, стараясь, чтобы никто не увидел, не заметил даже намека на лишний взгляд в его сторону. Матвею, сразу по рождении первого сына, на выписке вручила перевязанный голубой лентой кулек и сказала:

– Даже не думай! Нет, не было и не будет никогда ничего.

Тот только внимательно глянул на жену и никогда даже взглядом не укорил ее за то, что не любила она его за всю их совместную жизнь даже вполнину так, как Михаила. Чувствовал, что любит, возможно и до сих пор того, но молчал, справедливо рассудив, что если взял за себя такую чистую, как родниковая вода девушку, то жене, которой она стала, надо верить.

Они стали родителями троих детей и, когда почти двадцать лет спустя, Матвей, нарушив технику безопасности, погиб на лесоповале, Пелагея надела черный платок, отгоревала, и с тех пор жила только детьми и внуками, которых у нее уже было двое.

С Михаилом они общались все так же подчеркнуто вежливо и только иногда, когда забывались, кто-нибудь из односельчан подмечал, как начинало искриться между ними, когда встречались они взглядами. Но все молчали, понимая, что пророни хоть слово и не замараешь, не запачкаешь то, что было между этими двумя, но сам с головой уйдешь в черную липкую жижу, от которой потом уж и не отмоешься.

Михаил по-соседски помогал Поле поднимать детей, взяв на себя всю мужскую работу по дому, хотя его никто и не просил. Старший сын Поли, Сашка, по-матерински спокойно и мудро принял то, что рядом с осиротевшей, после отца, матерью есть мужчина, который ничего не требует взамен своей помощи, а от чистого сердца хочет сделать ее жизнь легче, привязался к Михаилу и между ними установилась теплая, по-мужски молчаливая, дружба.

Пелагея же взяла на себя женскую долю работы по дому, помогая Михаилу управляться с хозяйством.

На вопрос соседки, с которой дружила еще мама Пелагеи, и которую она, с ухода мамы, считала своим главным советчиком:

– Может сошлись бы, Поля?

Ответила:

– Нет, тетя Вера, ни к чему это. Столько лет минуло, все быльем поросло уже.

– Так ведь любишь ты его до сих пор...

Поля только вздохнула в ответ и свернула тему, чтобы не разреветься, не показать, что права тетка Вера. Во всем права...

Так и жили, отсчитывая недели, месяцы, года и, только изредка накатывала то на одну, то на другого такая тоска, что впору было волком выть. Но не решались они сказать друг другу даже полслова из того невысказанного, что было сложено между ними за эти годы.

– Так что за дело-то там у тебя срочное? – Михаил хоть и шагал широко, но все равно еле поспевал, за быстроногой, как в молодости, Полей.

– К Спиридоновне племянница из города приехала. Помнишь ее?

– Это Наталья которая?

– Она. Приехала и детей своих привезла. Мальчик там и две девочки. Спиридониha их к себе брать отказалась, а поселила в доме брата своего.

– Так он заколоченный лет пять стоял. Там небось и жить-то нельзя.

– Нельзя. А куда им деваться? Я не знаю, что у них там случилось в городе, да и не люблю я сплетни, ты знаешь. Но, чтобы ты понял, вкратце скажу. Детки там все от разных отцов, да и Наталья совсем непутевая стала. Как бы беды не вышло, Миша.

– Понял! – коротко кивнул Михаил и порадовался тому, что есть еще неделя до отъезда на заимку и что-то он точно успеет сделать, пока еще здесь, в деревне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.